

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 4 (48) 2021

ISSN 2412-8139

VESTNIK.MGGEU.RU

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал

•—————•
Издается с 2009 года

**Человек. Общество.
Инклюзия**

**№ 4(48)
2021**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-российского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Коч К.	Мугла, Турция	доктор филологических наук, доцент факультета литературы Университета Мугла Сыткы Кочмана
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»

Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»

Человек. Общество. Инклюзия

№ 4(48) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	С.А. Бобко
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор технических наук, профессор	Т.В. Истомина
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Психологические науки 19.00.00	доктор психологических наук, доцент	С.Н. Толстикова
	доктор психологических наук, профессор	С.П. Поляков
Социологические науки 22.00.00	кандидат социологических наук, профессор	С.Н. Лещинская
Филологические науки 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	В.С. Джабраилова
	кандидат филологических наук, доцент	А.А. Устиновская
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
	кандидат философских наук, доцент	Е.А. Воронцов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	В.А. Муталимов
Юридические науки 12.00.00	доктор юридических наук, профессор	А.Н. Никитин
	кандидат юридических наук, доцент	Г.В. Мартянова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oğlu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Koç K. Muğla, Turkey — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Human. Society. Inclusion

Issue 4(48) 2021

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor
Bobko S.A.	Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Pedagogics, Professor
Scientific Research Areas:	
13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V. Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Istomina T.V. Doctor of технических наук, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D. Doctor of Sociology, Professor Sudorgin O.A. Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Rudenko I.L. Candidate of Pedagogics, Associate Professor
19.00.00 Psychology	Tolstikova S.N. Doctor of Psychology, Professor Polyakov S.P. Doctor of Psychology, Professor
22.00.00 Sociology	Leshchinskaya S.N. Candidate of Sociology, Professor
10.00.00 Philology	Dzhabrailova V.S. Candidate of Philology, Associate Professor Ustinovskaya A.A. Candidate of Philology, Associate, Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V. Doctor of Philosophy, Professor Vorontsov E.A. Candidate of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N. Doctor of Economics, Professor Mytalimov V.A. Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Nikitin A.N. Doctor of Legal Science, Professor Martyanova G.V. Candidate of Legal Science, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.Б. Кулемина

Семья в информационном обществе 10

А.С. Стоянов, А.А. Ширяева

Инклюзивная реклама как инструмент формирования толерантного
отношения к людям с ограниченными возможностями 21

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Воронцов

Три модели философского знания:

Античность, Средневековье, Новое время 29

О.А. Павловская

Н.А. Бердяев о феномене русской революции и ее последствиях:
социально-этический анализ 37

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К.М. Фурат, М.Г. Назирли

Классификация и проблема фонетическая адаптация арабских слов
в турецком языке 48

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Р.Т. Мехдиев, А.Т. Табунщиков

Проблемы принятия наследства на современном этапе развития
законодательства РФ в области наследственного права 53

АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Е.В. Морозова

Игра в бочке как фактор социализации студентов на занятиях
по адаптивной физической культуре 58

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.Н. Довнар, А.П. Червинская

Решения Конституционного Суда Российской Федерации
как источник права 64

К сведению авторов 74

Contents

SOCIAL SCIENCE

Kulemina L.B.

Family in information society 10

Stoyanov A.S., Shiryayeva A.A.

Inclusive advertising as a tool for forming a tolerant attitude towards people
with disabilities 21

PHILOSOPHY SCIENCE

Vorontsov E.A.

Three models of philosophizing: Antiquity, Middle Ages, Modern Times 29

Pavlovskaya O.A.

N.A. Berdyaev on the phenomenon of the Russian revolution
and its consequences: socio-ethical analysis 37

PHILOLOGY

Furat K.M., Nazirli M.K.

Classification and the problem of phonetic adaptation Arabic words
in Turkish language 48

LEGAL SCIENCE

Mehdiev R.T., Tabunshchikov A.T.

Problems of acceptance of inheritance at the present stage of development
of the legislation of the Russian Federation in the field of inheritance law 53

ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION

Morozova E.V.

Playing bocce as a factor of socialization of students in classes on adaptive
physical culture 58

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

dovnar A.N., Chervinskaya A.P.

Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source
of law 64

For the Attention of Authors 74

Л.Б. Кулемина

СЕМЬЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

FAMILY IN INFORMATION SOCIETY

КУЛЕМИНА Людмила Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и философии МГГЭУ Московский государственный гуманитарно-экономический университет (e-mail: kulemina.lyudmila7@mail.ru)

KULEMINA Lyudmila Borisovna — Moscow State Humanities and Economics University, candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Philosophy (e-mail: kulemina.lyudmila7@mail.ru)

Аннотация. В статье дан анализ изменений, происходящих в семье, в процессе перехода к информационному обществу. Выявлены как положительные моменты в функционировании семьи и поведении индивида (расширение возможностей для самореализации, свобода выбора, ценность супружества, свободный доступ к разнообразной информации), так и отрицательные (игромания, уход от реальной жизни в виртуальное пространство, рост иждивенчества среди молодежи). Автор приходит к выводу о том, что процесс трансформации не завершен, для сохранения института семьи необходимо объединение усилий самого человека, общества и государства.

Ключевые слова: семья, информационное общество, ценностные ориентации, образ жизни семьи.

Abstract. The author of the article analyzes the changes that the institution of family is undergoing in the process of transition to an information society. The positive moments in the functioning of the family and the behavior of the individual (the expansion of opportunities for self-realization, freedom of choice, the value of marriage, free access to a wide range of information) and negative moments (gaming addiction, escape from real life to the cyberspace, the growth of dependency among young people) are identified. The author concludes that the process of transformation is not complete; in order to preserve the institution of family it is necessary to combine the efforts of the individual, society and the state.

Key words: family, information society, value orientations, family lifestyle.

Постиндустриальное общество называют информационным. Научно-технический прогресс способствовал тому, что информационные технологии охватили все стороны жизни людей. Данный процесс принял глобальный характер.

Значительной трансформации подверглась социальная сфера, в частности, способы коммуникации и их воздействие на социальные институты общества (в том числе семью) и самого человека. Столь стремительные изменения постепенно разрушают прямые контакты и связи, характерные для прежних типов общества: традиционного (когда авторитет родителей был непререкаемым, дети наследовали социальный статус родителей) и индустриального (в котором

от каждого члена семьи требовалось выполнение своей трудовой функции, основанной на разделении полов, сохранялась тайна частной семейной жизни).

Постиндустриальное (информационное) общество позволяет оптимизировать многие сферы жизни семьи, ускоряет процесс решения ее повседневных проблем, расширяет сферу досуга, облегчает связь с родственниками, сверстниками через социальные сети, расширяет возможности для личной самореализации каждого человека, переосмысления своего «Я».

Таким образом, информация — это своего рода способ создания комфортных условий для жизни, достижения материальных благ, а также возможность формирования позиции активного гражданина через участие в общественно-политической, волонтерской и пр. видах деятельности.

Вместе с тем непрерывный поток информации ставит перед ее потребителем проблему отбора. Человек вынужден быстро принимать решения, осуществлять выбор при широком перечне предлагаемых альтернатив, что выдвигает новые задачи перед системой образования (обучение навыкам деятельности в различных коммуникативных ситуациях). В свою очередь, качество отобранной информации остро ставит вопросы самоидентификации личности и ее взаимоотношений с людьми и социальными группами.

У молодых людей формируется свое собственное мировоззрение, ценностные установки, которые они передадут в будущем своим детям, свой субъективный отбор информации.

Данные обстоятельства изменяют образ жизни людей, их ценностные ориентации (а именно они являются основой поведения людей) и нередко порождают массу проблем во взаимоотношениях между поколениями в целом и внутри семьи как социального института в частности. В свою очередь, общество, в котором нет согласия по поводу того, что является действительно ценным, а что нет, нельзя назвать стабильным [8, с. 14].

Целью исследования является анализ комплекса проблем и противоречий между человеком, семьей и обществом, возникающих в условиях информационного общества.

Исходя из поставленной цели, автор предполагает решить следующие задачи:

- 1) выявить особенности существования человека в условиях информационного общества, проанализировать возникающие в этой связи противоречия;
- 2) определить факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в процессе перехода к информационному обществу и высказать предположения о путях сохранения института семьи в будущем.

В статье автор применял метод сравнительного анализа и системного подхода. Для изучения воздействия информационных технологий на семейные отношения использовались материалы опросов, проведенных в ряде стран, статистические данные.

Переход к постиндустриальному обществу способствовал повышению интереса ученых к различным аспектам, связанным с информатизацией и ее влиянием на все сферы жизни общества.

Так, изучением вопросов распространения информации занимались такие исследователи, как М. Кастельс, А.А. Овсянников, С. Хантингтон, Г.К. Широков и др. [8, с. 5].

Влияние Интернета на коммуникации между людьми рассматривались в трудах И. Семенова, М. Кастельса, М. Чучкевича, Т. Абанкина, А. Шадрина,

Е. Мирской, Э. Кошкиной, О.Н. Вершинской, Г.С. Батыгина, М.М. Чучкевича, Т.В. Абанкиной, А.Е. Шадрина и др. [8, с. 6].

Развитию теории идентичности личности посвятили свои труды Э. Эрикссон, Э. Гидденс, З. Бауман, Р. Дарендорф, И.С. Кон, В.Н. Павленко, В. Хесли, А.Ю. Шерматов, И. Гофман, Н.В. Антонова, Г. Мид, О.В. Павлова, Э. Фромм, Н.В. Загурская [8, с. 6].

Некоторые аспекты бытия человека (его автономизации) в информационном обществе, такие как изменение форм социализации, усиление зависимости от техносферы, усложнение социального мира и социальных взаимодействий, освещаются в исследованиях И.А. Негодаева, В.Л. Иноземцева, О.Н. Антипиной, И.С. Мелюхина, Ю.М. Резника, Э. Тоффлера, М. Кастельса, М.В. Заковоротной, П. Козловского, М.М. Чучкевича, А.Е. Шадрина, Г.С. Батыгина, Л.Г. Гаман, К.К. Колина, Н.П. Лукиной, К. Керделлан, Г. Грезийон и др. [8, с. 6].

Одним из наиболее устойчивых (и в то же время подверженных изменениям) институтов общества является семья. Она выполняет одну из важнейших функций — функцию социализации личности — и является транслятором определенного образа жизни, определенных ценностных ориентаций (нравственных, культурных и др.).

Изучением различных аспектов образа жизни семьи занимались зарубежные исследователи. Среди них социологи А. Визерол, А. Венкатеш, М. Сассмен, Дж. Суорант, отечественные социологи В.И. Толстых, А.П. Бутенко, И.В. Бестужев-Лада, В.И. Куценко, А.А. Возьмитель, Р.В. Рыбкина, Д.В. Иванов, А.Ю. Белогуров.

Роль ценностных ориентаций в жизнедеятельности общества рассматривали классики социологии Э. Дюркгейм (теория социальной солидарности), М. Вебер (понимающая социология), а впоследствии У. Томас, Ф. Знанецкий (феноменологическая социология), Т. Парсонс (структурный функционализм) и др. [3, с. 4].

Во второй половине XX века в зарубежной социологии работа по изучению развития и изменения ценностных ориентаций, происходящих под влиянием социальных изменений, продолжилась: появились новые научные труды, проводились сравнительные эмпирические исследования, результаты которых нашли отражение в трудах М. Рокича и др. [3, с. 11].

Не осталась в стороне и отечественная социология. Разные аспекты ценностных ориентаций анализировались в работах В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, Н.Ф. Наумова, Н.И. Лапина [3, с. 19].

Тема роли семьи в вопросе трансляции ценностных ориентаций нашла отражение в трудах А.И. Антонова, В.А. Борисова, В.М. Медкова (утверждают, что семья как ячейка общества испытывает кризис), М.С. Мацковского, С.И. Голода, Т.А. Гурко (под влиянием изменений в обществе модернизируется и семья), А.Г. Харчева, А.Б. Любимовой и др. (изменение роли семьи в обществе) [3, с. 6].

Изучению соотношения семейных и внесемейных ценностей членов семьи посвящены работы Н.Г. Марковской, М.А. Токмаковой. Тезис о зависимости ценностных ориентаций семьи от возраста, образования, профессии членов семьи нашел отражение в трудах Л.Н. Москвичевой, Н.М. Калмыковой и др. [3, с. 13].

В трудах психологов, например, А.Г. Асмолова, рассматривается связь ценностных ориентаций с мотивацией личности. Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева,

Б.Ф. Ломов, И.В. Дубровина упор в изучении делают на эмоциональной составляющей психики людей [8, с. 6].

Несмотря на столь значительное количество разработок, посвященных трансформации семейных отношений в период перехода от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу, актуальность поставленной проблемы и необходимость ее комплексного изучения сохраняются, особенно в связи с продолжающимися в этой сфере изменениями и возникающими парадоксами.

Информационные технологии, столь стремительно ворвавшиеся в жизнь общества, открывают большие возможности для человека в области развития его способностей и в конечном итоге для самореализации, повышают качество жизни миллионов людей, экономя при этом время — самый ценный ресурс [5, с. 41]. Но огромный объем информации, доступ к которому не требует особых усилий, снижает ценность полученного знания и не способствует формированию мотивации к получению нового, а также нередко затрудняет быстрое принятие верного решения. Возникает и другая проблема: информационное будущее приблизилось слишком быстро, и человек психологически не успевает приспособиться к новой реальности и адекватно ее воспроизводить [5, с. 23].

Процесс освоения новой информации происходит в виртуальном пространстве (ощущение себя как «человека мира» в силу процесса глобализации), что практически исключает осознание своей идентичности человеком через личное общение (такое привычное в индустриальном обществе). Данное явление зачастую затрудняет осознание своей принадлежности к определенной культуре, социальной группе, пытающейся сохранить свою самобытность и уникальность, особенно в условиях, когда многие сетевые сообщества приобретают признаки социальных групп.

Таким образом, информационные технологии, выступая в качестве средства познания окружающего мира и приспособления к существующей реальности, лишь усложняют поиск человеком своей идентичности, своего собственного «Я» [8, с. 5].

Постоянное нахождение в виртуальном пространстве разрушает индивидуальность человека, отрывает его от реальности с ее противоречиями и соблазнами, мешает создать целостную картину мира [2, с. 45], порождает страх в принятии самостоятельного решения (поиск решения перекладывается на техническое средство), приводит к утрате навыков реальных социальных взаимодействий. В конечном итоге человек может превратиться в «пустой сосуд» (который быстро наполняется с помощью рекламы, телевидения, СМИ и пр.) и теряет точку опоры [2, с. 45].

Нельзя не согласиться с Е.Г. Сахновской в том, что человек самостоятельно формирует свою идентичность, может менять ее, но зачастую эти возможности самовыражения реализуются в различных деструктивных проявлениях [11, с. 15–16].

С другой стороны, наблюдается и обратный процесс: человек, не нашедший себя в реальной действительности, уходит с помощью информационных технологий в виртуальное пространство именно для того, чтобы обрести себя, показать свою индивидуальность [4, 8 с. 10.], т.е. информационные технологии могут способствовать самоидентификации личности. В этом и состоит парадокс.

Реалии современного общества таковы, что перед человеком открываются обширные возможности в выборе занятий, повышении своей квалификации, что в конечном итоге позволяет достичь высокого материального, професси-

онального и социального статуса. Меняются и виды трудовой деятельности (фриланс, надомничество, неполная занятость, самозанятость, неформальная работа и пр.), которые снижают необходимость постоянного нахождения людей на рабочем месте. В связи с этим возникают новые проблемы, а именно необходимость перестройки производственного и учебного процессов, значительного повышения культуры и сознательности людей, а также выработки нового контрольно-оценочного аппарата.

Изменения в структуре экономики вызывают потребность в постоянной переподготовке кадров. Человеку, возможно, придется в течение жизни несколько раз менять свою профессию. Многие люди, вполне трудоспособные, лишаются работы просто потому, что их способности перестают соответствовать новым требованиям. Значит, проблема занятости будет стоять достаточно остро.

Одной из проблем цифровизации экономики является сокращение спроса на труд людей средней квалификации. Кроме того, по данным исследований, к 2030 году доля автоматизированных рабочих мест может составить в США 38%, в Германии — 35%, Японии — 21%, а в развивающихся странах ситуация еще хуже. Как следствие — рост безработицы. В 2017 году безработными или частично занятыми были от 30 до 45% трудоспособного населения. Одновременно увеличивается количество занятых в виртуальном пространстве (ведение блогов, интернет-коучинг и пр.) [10, с. 9–10].

Такие положительные последствия информатизации, как расширение свободы личности и спектра трудовой деятельности, автоматизация, могут сочетаться с ростом безработицы из-за повышенных требований к работникам, что усиливает социальную дифференциацию.

Заслуживает внимания и вопрос о взаимоотношениях семьи как социального института и общества. С одной стороны, это автономность семьи, закрытость ее границ от посторонних. Здесь складывается с согласия членов семьи свой неповторимый уклад, который, как крепость, защищает от негативных воздействий и социальной напряженности, удовлетворяет потребность в эмоциональном общении, признании человека как личности. Ощущая подобную защиту в лице родителей, которые любят, заботятся, ребенок социализируется, получает уверенность в будущем и полученные нравственные, культурные, этнические ценности впоследствии транслирует на своих собственных детей. Безусловно, это весьма важный положительный фактор, обеспечивающий стабильность общества.

Кроме того, такие информационные технологии, как социальные сети, сайты знакомств, доступность информации и пр. многим гражданам могут оказать содействие в период поиска партнера для сексуальной жизни, а некоторым и для семейной. Но где грань между доступным и дозволенным? Желает ли гражданин сам предоставить о себе информацию в полном объеме? [1, с. 18]. Данный вопрос можно адресовать и к уже существующей семье: тотальный контроль за супругом (супругой), детьми может привести к достаточно негативным последствиям (недоверие, распад семьи, «проблема отцов и детей»).

С другой стороны, есть масса примеров, когда закрытость семьи идет ей во вред. Это семьи, где родители-алкоголики осуществляют насилие над детьми, не заботятся о них, где дети не посещают школу. Это насилие в семье над женщиной, которая подвергается систематическим избиениям со стороны супруга. Все эти факты требуют вмешательства государственных органов, что нарушает автономию семьи. Как в этом случае определить грань между лич-

ным и чужим, между желанием и необходимостью вмешаться в личную жизнь граждан? Эти вопросы требуют своего разрешения.

А.А. Шевченко утверждает, что семья нынешняя меняется и переходит к некой «грядущей семье» [13, с. 3]. Прежние семейные скрепы (единое хозяйство, четко определенные права и обязанности членов семьи, супружеская верность, полная самостоятельность семьи и независимость от государства) разрушаются. Иными словами, роль семьи как главной воспитательницы постепенно исчезает, основные ее функции переходят к государству. Об этом свидетельствует и сокращение времени, в течение которого ребенок находится с родителями, в пользу госучреждений, таких как ясли, сад, школа, кружки, секции, вузы и т.д. Утрачивают семьи и такие практики, как совместные обеды, ужины, за которыми можно было обсудить семейные дела.

Сокращается количество браков, что приводит к снижению рождаемости и порождает другие социальные проблемы — в старости о пожилых людях некому будет заботиться, сократится количество молодого трудоспособного населения.

В данном контексте интересны результаты социологического исследования «Пожилые родители, поколения и семейная солидарность», проведенного в рамках Института углубленного исследования семьи (Испания) в соответствии с методологией Пьера Паоло Донати в 2016 году. Были опрошены жители в возрасте от 65 до 74 лет (608 анкет). Целью исследования являлось изучение отношений в отдельных семьях, семейных ценностей и их влияние на такие важные социальные сферы, как друзья, соседи и пр. Результаты свидетельствуют о том, что родители довольны тем, как они исполняли свои родительские обязанности по отношению к детям (97,2%), причем мнение женщин было всегда более позитивным, чем у мужчин. Однако родители больше внимания уделяли подготовке детей к профессиональной деятельности и слабо ориентировали их на создание семьи и рождение детей. Как результат — низкий уровень рождаемости в Испании. Дочери больше помогают своим родителям, в то время как помощь самих родителей чаще направлена на сыновей и внуков [14, с. 48].

Пожилые люди отмечают высокий уровень любви и уважения со стороны детей, но при этом указывают на низкий уровень материальной поддержки с их стороны, а также и поддержки в случае болезни. Примечательно, что при этом пожилые люди не ропщут, считают, что свой родительский долг по отношению к детям выполнили, а дети не обязаны им отвечать тем же [14, с. 46–47]. Среди людей этого поколения именно семейные ценности преобладают над материальными, сексуальными и пр.

Нормальным явлением отныне являются и гражданские браки. В них проживают около половины всех пар в России, и в дальнейшем на заключение брака решаются немногие: после одного года проживания — 18%, после двух лет — 20%, после трех — 17%. Вместе с тем супруги, которые до заключения официального брака проживали в браке гражданском, разводятся на 30% реже, чем те, которые заключили брак сразу [12, с. 52]. Кроме того, статистика свидетельствует, что сегодня разводится каждая вторая семья, в то время как еще десять лет назад разводилась каждая третья [12, с. 49].

Растет число детей, родившихся вне брака, сокращается количество многодетных семей, велико число неполных и неблагополучных семей.

В Японии порядка 25% мужчин и женщин хотели бы иметь более двух детей, но это желание не осуществимо из-за нехватки денег, отсутствия работы

или жилья. Каждый четвертый мужчина 50-летнего возраста никогда не был женат. В Южной Корее растет число женщин, не желающих вступать в отношения с мужчинами, иметь семью, рожать детей. Ими движет желание «пожить для себя», что приводит к снижению рождаемости [7, с. 72].

Некоторые авторы утверждают, что развитие информационной цивилизации снижает уровень человечности. Вырастает поколение людей, для которых превыше всего их личные желания. Молодежь стремится к достижению материального достатка, получению статусной работы. Молодые прагматичнее (сначала карьера, а потом — семья), чем их родители, для которых внутрисемейные ценности более важны. Многие люди работают сразу в нескольких местах для того, чтобы выплачивать кредиты, покупают зачастую совсем ненужные вещи (общество потребления). Семейная жизнь превращается в бесконечную работу — вместо того, чтобы приносить покой и радость. Человек становится раздражительным, агрессивным [7, с. 73].

Мужчины более нацелены на внесемейные ценности: успех в работе, творчество, что создает проблему при распределении семейных обязанностей между мужем и женой во вне рабочее время. Женщины склонны больше внимания уделять развитию личности, самореализации в семейной жизни, любви в браке (внутрисемейные ценности). Вместе с тем увеличение количества времени, проводимого женщинами в виртуальном пространстве, увлечение просмотром красивых картинок из жизни других людей, отрицательно сказывается на их психическом состоянии, возникает синдром завышенных требований к своей внешности [7, с. 73].

Большое влияние на ценностные ориентации семьи оказывает и уровень образования. Целый ряд исследователей доказывают, что люди с низким образовательным уровнем более нацелены на ранний брак, рождение и воспитание детей, в то время как высокий уровень образования подталкивает молодых людей к откладыванию брака и рождения ребенка.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что возраст, пол и уровень образования видоизменяют ценностные ориентации, в первую очередь внутрисемейные ценности, в сторону их снижения. Такие внесемейные ценности, как решение жилищного вопроса, материальное благополучие, карьерный рост, несколько преобладают над внутрисемейными. Во многом такое положение дел объясняется стремлением родителей к тому, чтобы дети жили лучше, чем они. Однако передаваемые из поколения в поколение убеждения о ценности брака, важности семьи, обязательного рождения детей, внутрисемейной любви все еще остаются для людей достаточно значимыми, и молодые люди желают вступить в брак по любви.

Подтверждают данный вывод исследования, проведенные в России на базе данных сети «ВКонтакте» (на Западе обычно анализируются сети Facebook) [4, с. 18]. Изучалось влияние социальных сетей на формирование идентичности подростков (использовались данные 5569 человек в возрасте от 13 до 18 лет, зарегистрированных в сети «ВКонтакте» и проживающих в разных регионах России). Полученные результаты вселяют некоторую уверенность в будущем такого социального института, как семья. В качестве самых важных приоритетов в жизни подростки называли такие, как семья и дети (при этом в республике Дагестан — 62%, а наименьшая цифра в Москве — 47%), саморазвитие (1/5 от количества опрошенных, причем наибольшее количество в Москве и Ростове-на-Дону), доброта, честность, смелость и упорство (больше полови-

ны из всех групп). Что вдохновляет? Опять же семья, а также и религия (в Дагестане и частично в других регионах) [4, с. 19, 20].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что семья продолжает играть важную роль в социализации современных подростков.

На ценностные ориентации семьи влияют и индивидуальные особенности супругов, сформировавшиеся до вступления в брак. В случае, если среди ценностей будут преобладать такие, как общность интересов между супругами, доверие, согласованность ролевых ожиданий (что вполне соответствует реалиям информационного общества с его мобильностью), то стремление членов семьи к повышению профессионализма, карьерному росту, материальному достатку (внесемейные ценности) не будет входить в противоречие с интересами семьи.

Нынешние социальные проблемы, связанные с пандемией, санкциями, как в зеркале, отражаются в семье [6, с. 458]. Постоянное нахождение членов семьи в замкнутом пространстве, как это случилось ввремя пандемии, привело к конфликтам и распаду целого ряда семей. Члены семей значительную часть своего времени стали проводить либо у телевизоров, либо в виртуальном пространстве (компьютеры, телефоны) вместо совместного общения. Этот уход от реальной жизни привел к таким «социальным болезням», как интернет-зависимость (у подростков это часто связано с травлей в школе, неумением влиться в существующую систему с установленным порядком и требованиями), игровая зависимость, киберсексуальная зависимость, игры на бирже, интернет-шопинг, участие в сомнительных финансовых аукционах, хакерство и пр. Например, в России 76% пользователей выходят в Интернет ежедневно или почти каждый день [2, с. 46].

Исследование, проведенное в Хорватии (опрошено порядка 160 родителей), подтверждает факт расширения свободы у детей в формировании своего самостоятельного мнения после ознакомления с той или иной информацией, находящейся в свободном доступе (поток которой родители не в состоянии проконтролировать) [15].

Уход в виртуальное пространство приводит к сознательной самоизоляции, нежеланию общаться с родителями, родственниками. Такие люди перестают работать и становятся иждивенцами. Данное явление, как считает Л.Н. Рулиене, является последствием цифровой революции [7, с. 73]. В Европе даже появилась социальная группа молодежи в возрасте 15–24 лет — «новые безработные» (их количество в 2018 г. составляло порядка 10% населения), которые нигде не учатся и не работают [10, с. 7]. Значительная часть молодых людей работает по временным контрактам (около 70% в ряде стран Евросоюза).

Трудно не согласиться с А.В. Винокуровой в том, что современные технические средства повышают качество жизни людей, мотивируют их на достижение более высоких результатов, способствуют развитию творчества, дают стимул к саморазвитию, расширяют свободу выбора [3, с. 3]. Но эти изменения не происходят автоматически. За этими общими словами стоит сложнейшая работа и отдельного человека, и целых поколений, имеющих свой менталитет, мировоззрение, сложившиеся стереотипы поведения.

Итак, в заключение можно отметить следующее.

— Использование современных технических средств повышает качество жизни людей, мотивирует их на достижение более высоких результатов, способствует развитию творчества, дает стимул к саморазвитию, расширяет свободу выбора [3, с. 3]. Бессмысленно игнорировать ведущую роль

и влияние информационных технологий в развитии общества, так как технический прогресс остановить нельзя.

- Семья — это приоритетная ценность многих современных обществ. Отсюда и пристальное внимание исследователей к изменению образа жизни семьи, ее ценностных ориентаций, происходящих в том числе под влиянием информационных технологий. Именно положение семьи в обществе, изменение ее ценностных ориентаций, выполняемые ею социальные функции по воспроизводству и социализации подрастающих поколений можно рассматривать в качестве социальных индикаторов, показывающих реальное положение дел в стране и обществе.
- Информация, информационные технологии оказывают как положительное влияние на человека и семью (увеличение возможностей для самореализации личности, в том числе и как члена семьи), так и отрицательное (увеличение объема информации снижает мотивацию к развитию новых способов познания, затрудняет оценку ее качества, что ведет к неготовности личности принимать самостоятельные решения, к перекладыванию ответственности на техническое средство). Процесс трансформации не завершен.
- Поступающая информация очень быстро устаревает, что снижает ценность знания в глазах человека, а с другой стороны, вызывает необходимость постоянного обновления полученных знаний, в силу чего образование и самообразование становятся важнейшими факторами, которые обеспечивают человеку статус и признание в обществе.
- В информационном обществе сокращается поиск идентификации путем личных контактов, их заменяет виртуальное общение, где человек при осуществлении коммуникаций пытается проявить свою индивидуальность.
- В обществе сохраняется потребность в воспроизводстве и сохранении таких семейных ценностей, как родительство, родство, супружество, что способствует стабильности общества. С другой стороны, в связи с изменениями, происходящими в российском обществе, растет значимость внесемейных ценностей: профессионального роста, материального и социального статуса. Какое место в ряду семейных ценностей занимают такие понятия, как степень личной свободы супругов, детей? Очевидно, что те семьи, в которых супруги помогают друг другу реализовать свои жизненные ценности, можно назвать успешными, а те семьи, в которых подобная мотивация отсутствует, неуспешными [8, с. 15].
- Существует необходимость сохранения относительной автономности семьи, которая находится под давлением проблем, возникающих в обществе, и испытывает влияние со стороны государства, других социальных институтов в силу включенности членов семьи в различные объединения [9, с. 144].
- Необходимо четкое соблюдение границ во взаимоотношениях семьи и государства, связанных с осуществлением жесткого контроля негативных явлений во внутрисемейных отношениях, такими как насилие в семье, неисполнение родительских обязанностей.

Происходящие в обществе трансформации ставят перед человеком сложные задачи, требующие от него огромной силы воли в вопросе самовоспитания, самообразования, которые для определенной части населения, к сожалению, не являются приоритетными.

Следовательно, проблема поиска человеком своего «Я» в век информационных технологий, сохранение внутрисемейных ценностей под влиянием новых, информационных направлений деятельности общества только усиливается.

Именно семья — тот фундамент, который является основой для формирования личности, а значит, именно в рамках семьи (с этим согласны респонденты и ряда зарубежных стран) необходимо сформировать культуру пользования современными техническими средствами: обеспечить сочетание определенных норм, правил, ограничений с преимуществами современных технологий, не пренебрегая при этом личными контактами между людьми [16].

Учитывая всю сложность происходящих изменений (снижение репродуктивной, воспитательной, рекреационной функций семьи), влияющих на демографическую ситуацию в стране, Россия двадцать первого века взяла курс на признание семьи высшей государственной ценностью, о чем неоднократно говорил президент В.В. Путин. Такая забота опирается не только на реализацию важнейших национальных проектов, направленных на раскрытие семьей своего социального потенциала, но и на преобразование всего строя жизни, ценностных приоритетов личности, государства, коммерческих структур в направлении повышения ценности семьи. Поэтому при формировании государственной семейной политики (причем с учетом особенностей отдельных регионов Российской Федерации) от федеральных и государственных органов, муниципальных сообществ требуется дифференцированный подход в отношении различных групп населения.

Литература

1. *Арсентьева В.С., Никитченко И.И.* Брак и семья в информационном обществе // NOVAUM. — 2018. — №15. — С. 153–155.
2. *Асташова Н.Д.* Человек информационного общества в условиях «навязанной рациональности»: дисс. ... канд. филос. наук. — Нижний Новгород, 2017. — С. 147.
3. *Винокурова А.В.* Трансформация ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе: автореф. дисс. ... канд. социол. наук / Тихоокеан. гос. ун-т. — Хабаровск, 2009.
4. *Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.Я., Шилко Р.С.* Исследование идентичности подростков, воспитывающихся в современной семье: возможности глубинного анализа данных (DATA MINING) / Ю.П. Зинченко, Л.Я. Шайгерова, Р.С. Шилко [и др.] // Психологические проблемы современной семьи. Сб. мат. VIII Международной научно-практической конференции 3–6 октября 2018 / под ред. О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. — С. 14–46.
5. *Коллин К.К.* Человек в информационном обществе: новые задачи для образования, науки и культуры // Открытое образование. — 2007. — № 5. — С. 40–46.
6. *Мясникова И.С.* Современная семья — зеркало противоречий и проблем общества // Молодой ученый. — 2017. — № 3(137). — С. 458–460.
7. *Рулине Л.Н.* Трансформация семьи в условиях цифрового общества // Вестник Бурятского гос. унив. Сб. материалов Международной научно-практической конференции «Мир семьи и детства в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях кризиса глобализации». Вып. 3–4. — 2018. — С. 73–74.

8. *Скорик Г.В.* Человек в информационном обществе: проблема идентификации: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Томск, 2008.

9. *Сагадатов И.А.* Трансформация института семьи на рубеже XX–XXI вв. // Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2010. — № 7 (38). — С. 144–146.

10. *Садовая Е.С.* Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. — 2018. — Т. 19. — № 3. — С. 6–20.

11. *Сахновская Е.Г.* Личность в информационном обществе: дискурс и образование: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 15–16.

12. *Пищик В.И.* Поколенческие измерения социально психологических моделей семьи // Психологические проблемы современной семьи. Сб. мат. VIII Международной научно-практической конференции 3–6 октября 2018 / под ред. О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. — С. 52.

13. *Шевченко А.Н.* Семья в условиях трансформации современного Российского общества (социологический анализ): автореф. дисс. ... канд. социол. наук. — Новочеркасск, 2011.

14. *Монтсеррат Газ-Айксендри, Бэлен Заратэ Риверо.* Семья как пространство солидарности/преемственности отношений между поколениями. Ключевые аспекты стареющего общества: исследование в Испании // Психологические проблемы современной семьи. Сб. мат. VIII Международной научно-практической конференции 3–6 октября 2018 / под ред. О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. — С. 46–48.

15. *Sandra Kadum, Maja Ružić-Baf, Manuela Dami.* “The Family and ICT”. Journal of Education Culture and Society, Vol. 11 No. 2 (2020).

16. *Karin Romero-Ruiza, Laura Echeverri-Sánchez, Juan Peña-Plataa, Stephanía Vásquez-Giraldod, Milady Aguilera-Cardonaa, Carolina Herazo-Avendañoa, Alejandro Valencia-Ariasb & Lemy Bran-Piedrahita.* Information and communication technologies impact on family relationship. 7th International Conference on Intercultural Education “Education, Health and ICT for a Transcultural World”. EDUHEM, 2016. 15–17 June 2016, Almeria, Spain.

**ИНКЛЮЗИВНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

**INCLUSIVE ADVERTISING AS A TOOL FOR FORMING
A TOLERANT ATTITUDE TOWARDS PEOPLE WITH DISABILITIES**

СТОЯНОВ Александр Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России; доцент кафедры социологии Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (e-mail: stoianoff@mail.ru)

ШИРЯЕВА Анастасия Алексеевна — студент 2-го курса Академии гражданской защиты МЧС России (направление «Реклама и связи с общественностью», уровень бакалавриата) (e-mail: nasyamodnica@gmail.com)

STOYANOV Alexander Sergeevich — candidate of sociological sciences, associated professor, Department of advertising and public relations Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia; associate professor of sociology, Institute of public administration, law and social and humanities of the Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko (e-mail: stoianoff@mail.ru)

SHIRYAEVA Anastasia Alekseevna — 2nd year student Civil Defense EMERCOM of Russia (direction «Advertising and public relations», bachelor's degree level) (e-mail: nasyamodnica@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется проблема влияния инклюзивной рекламы на формирование толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями. На основе исследования, которое выполнялось с помощью вторичного социологического анализа научных источников, сделаны выводы о том, что инклюзивная реклама положительно влияет на развитие толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями. Отмечается также стереотипность образа человека с ограниченными возможностями в рекламных роликах. Сформированы основные предложения по улучшению качества инклюзивной рекламы и даны основные рекомендации по развитию толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: инклюзивность, инклюзивная реклама, общество, толерантность, люди с ограниченными возможностями, реклама, рекламный стереотип.

Abstract. This article discusses and analyzes the problem of the influence of inclusive advertising on the formation of a tolerant attitude towards people with disabilities. Based on the study, which was carried out using the analysis of literary sources, it was concluded that inclusive advertising has a positive effect on the development of a tolerant attitude towards people with disabilities. It is also noted that the image of a person with disabilities is cliched in commercials. The main proposals for improving the quality of inclusive advertising were formed and the main recommendations for the development of a tolerant attitude towards people with disabilities were given.

Keywords: *inclusiveness, inclusive advertising, society, tolerance, people with disabilities, advertising, advertising stereotype.*

Актуальность темы исследования обусловлена важностью вопроса толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями. Инклюзивность и толерантность стала трендом для современного общества. Большинство западных компаний заявляют или являются инклюзивными, однако, несмотря на то, что люди с ограниченными возможностями снимаются в рекламе, сложно определить, как инклюзивная реклама влияет на толерантное отношение людей к людям с ограниченными возможностями. Поэтому необходимы исследования влияния инклюзивной рекламы на толерантное отношение к людям с ОВЗ.

Объект исследования — толерантное отношение к людям с ограниченными возможностями.

Предметом исследования — инклюзивная реклама как инструмент формирования толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями.

Цель исследования — изучить влияние инклюзивной рекламы на формирование толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями.

На сегодняшний день каждый из нас сталкивался с таким понятием как толерантность. Общество воспринимает толерантность как синоним терпимости, однако в разных культурах толерантность принимает различные значения. В западноевропейском понимании «толерантность» — это способность и готовность вести себя в соответствии с ценностями культуры мира, как стремление к согласию и плюрализму [2, с. 12]. В культурах Китая, Вьетнама, Кореи, Японии и др. внимание людей сосредоточено на поведенческом компоненте. Под толерантностью понимают соблюдение правил поведения и норм морали, а также проявление великодушия в отношении других людей [2, с. 12–13]. Российское понимание толерантности схоже с европейским, но накладывается на особенности менталитета: это активное согласие, направленное на уважение прав и свобод другого человека, готовность к жизни с другими, отличными от отдельного индивида, людьми.

Стоит отметить, что толерантность не может существовать без инклюзивности, то есть включенности в общество меньшинств. Определение инклюзивности включает несколько взаимосвязанных элементов:

- 1) Справедливость и уважение — люди чувствуют себя включенными в общество, когда к ним относятся «справедливо и с уважением». Участие без фаворитизма и подчеркивания различий является отправной точкой для их включения.
- 2) Ценность и принадлежность — люди чувствуют себя включенными в общество, когда их ценят. Инклюзивность означает, что у людей есть шанс быть услышанными. Меньшинства ценят за их уникальность, и кто-то заботится об их способностях и верит в них.
- 3) Безопасность и открытость — люди чувствуют себя включенными в общество, когда они «в безопасности», чтобы высказаться, не опасаясь смущения или возмездия. Им нравится, когда их слушают, когда они говорят о своих идеях, ожиданиях, симпатиях и антипатиях [9, р. 114–115].

По оценке специалистов, большинство определений инклюзии, приведенных в существующей научной литературе, включают принадлежность и общественное признание. Социальное признание отражает готовность общества принять человека, а ощущение того, что его принимают, исходит из сигналов, получен-

ных от референтной группы. Таким образом, принадлежность и общественное признание имеют прямое отношение к личности (желание принадлежать к основному обществу) и обществу (готовность общества принимать индивидуума) и представляют собой два основных измерения субъективной социальной инклюзивности [14, р. 331].

Другими словами, мы приходим к выводу о том, что инклюзивность — это процесс включения, интеграции в общество людей с особенностями культуры, расы, умственного и физического развития, связанный с уважением и справедливым отношением к этим группам. В этом контексте можно применить теорию социального обучения, по которой те или иные образы и модели служат источником для изучения новых паттернов поведения в обществе, что может привести к изменениям в поведении. Созданные на основе идеологического подхода и играющие важную роль в формировании интеллектуальных практик, представления являются инструментами для закрепления конкретных идей и ценностей, которые набирают силу, когда они принимаются и усваиваются отдельными людьми [10, р. 58].

Теория социального обучения является основой понимания того, как медийные образы, посредством рекламы, влияют на поведение людей и на то, что они считают правильным или неправильным. Другими словами, люди могут воспринимать стереотипы, наблюдая за рекламой с участием людей с ограниченными возможностями. После просмотра рекламы с людьми с ограниченными возможностями зрители могут имитировать поведение людей, положительно взаимодействующих с ними, что может положительно повлиять на само поведение людей.

Согласно статистике более половины опрошенных россиян (53%) имеют среди родственников, коллег или знакомых людей с ОВЗ [1, с. 127]. Люди с инвалидностью в нашей стране сталкиваются со множеством проблем, среди которых отсутствие доступной среды, нормальной системы здравоохранения, социальной поддержки, а также отмечают, что одной из проблем является одиночество и социальная изоляция. Они признаются, что общество исключает их из коммуникационной среды [1, с. 129].

Опрос показал [1, с. 126–127], что каждый третий взрослый житель России регулярно, практически каждый день, так или иначе, контактирует с людьми, имеющими инвалидность и другие ограничения здоровья (33%). Чаще всего с ними взаимодействуют в своей повседневной жизни люди старших возрастных групп. Молодежь, напротив, заметно реже встречает вокруг себя такую категорию людей (21%). Примерно столько же россиян замечают рядом с собой людей с ОВЗ относительно часто — несколько раз в месяц (30%). Но более трети (37%) жителей нашей страны практически не замечают их. О низкой интеграции в трудовую и образовательную среду людей с ОВЗ говорят цифры о доле людей, которые учатся или работают в коллективе с людьми с инвалидностью. На данный момент этот показатель составляет 4% [1, с. 126–127]. Социальная изоляция людей с ОВЗ в российском обществе свидетельствует об отсутствии инклюзивности, следовательно, о низком уровне толерантности по отношению к инвалидам.

Одним из неочевидных способов повышения уровня толерантного отношения к людям с ОВЗ является транслирование инклюзивной рекламы. Для начала нужно определить, что относится к инклюзивной рекламе. Инклюзивная реклама — это реклама с использованием образов людей из представленных

меньшинств (расовых, этнических, инвалидов и т.д.). В статье мы говорим о такой инклюзивной группе, как люди с ОВЗ поэтому, говоря об инклюзивной рекламе, имеется в виду реклама с использованием образа инвалида.

Современный мир требует, чтобы компании обращались ко всем потребителям, независимо от их демографических, физических, эмоциональных, психологических и других особенностей [4, с. 94]. Компании должны понимать, что расширение их деятельности связано с открытием новых внутренних групп клиентов, что значительно способствует созданию инклюзивного общества с благоприятными возможностями и доступностью. Как для бизнеса, так и для людей с ограниченными возможностями включенность и инклюзивность означает беспроблемную социально-экономическую ситуацию. Для потребителей это плюсы в виде социального принятия и одобрения, а для компаний — социальный капитал. Однако компании в стремлении к инклюзии людей с ОВЗ уделяют приоритетное внимание разнообразию рабочих мест, а не разнообразию потребителей, но и то, и другое одинаково важно для социального успеха. Здесь усилия общества проявляются в том, что необходимо уменьшить неуверенность и скептицизм со стороны работодателей, повысить уровень ноу-хау и осведомленность все большего числа людей о проблеме инвалидности [6, s. 197]. Потребители же намного больше самих компаний готовы поддерживать разнообразие и инклюзивность, чем, возможно, осознают сами компании, об этом говорит и использование моделей и людей с ограниченными возможностями в рекламе некоммерческих организаций [8, р. 4], в контексте социальной рекламы, формирующей социальные ценности и тренды [3, с. 62].

По факту, компании стремятся быть в социальном тренде, обеспечивая в рекламе места этническим и сексуальным меньшинствам, но в то же время не обращают внимания на потребителей с ОВЗ. Но следует отметить, что рекламные кампании, которые несправедливо и некорректно обращаются к аудитории людей с ОВЗ, будут плохо восприняты потребителями. Инклюзивная реклама помогает компаниям обеспечивать представленность всех групп людей и формировать свой имидж с позиции уважения к ним. Хотя специалисты по маркетингу услуг последовательно рассматривают нормального и репрезентативного потребителя, изменение групп потребителей приведет к более широкому пониманию потребительского поведения [13, р. 749].

Однако сложно сказать, сколько компаний является полностью или частично инклюзивными, так как тяжело выявить статистику по этому вопросу. Это связано с тем, что большинству компаний нужно полностью изменить свою культуру. 71% компаний декларируют готовность стать инклюзивными, но фактически никаких действий по развитию инклюзивности не предпринимают [9, р. 113]. Они только заявляют, что «работают» над разнообразием и инклюзивностью, но на самом деле не хотят менять свой традиционный способ работы и зону комфорта, делая заявления, которые являются «инклюзивными», только для того, чтобы привлечь внимание клиентов и получить прибыль.

Стоит отметить, что существует ряд других причин, почему компании не готовы активно продвигать рекламу с людьми с ОВЗ. С одной стороны, инклюзивная реклама формирует повышенное внимание к людям с особенностями в развитии и культуры. Однако она же, с другой стороны, при неграмотном оформлении и некомпетентном содержании может оказать негативное влияние на образ людей с ОВЗ, что способствует непринятию инклюзивных групп при использовании стереотипичного рекламного образа инвалида, к которому

должна проявляться жалость, связанная с его физическими особенностями. Что, как отмечают сами инвалиды, является некорректным и, в некотором роде, оскорбительным для них. Использование таких образов в рекламе не корректно и говорит о том, что рекламные кампании должны быть подготовлены к участию в экспертах в данной области.

В рекламе, как правило, используются самые передовые технологии, поэтому рекламное сообщение становится интенсивным, сильным, эффективным и действенным, непосредственно проникающим в сознание и накапливающимся в уме, без необходимости наблюдения или анализа. Поэтому во избежание различных несостыковок для съемки крупных рекламных кампаний с участием людей с ОВЗ нанимают экспертов в области психологии, психоанализа и социальной психологии [5, р. 31]. Как отмечалось ранее, инклюзивная реклама содержит определенную специфику и содержание.

Исследования показывают [17, р. 101], что инклюзивная реклама должна использовать язык и терминологию надлежащим образом [17, р. 101]. Если компании не будут учитывать эти особенности, то, во-первых, столкнутся с негативным отношением к рекламной кампании, а во-вторых, будут взращивать пренебрежительное отношение или непонимание людей с ОВЗ со стороны общества.

Использование образа инвалида в рекламе также способствует увеличению прибыли компаний, так как инклюзивный маркетинг позволяет открыть новую целевую аудиторию. Более того, это расширение помогает маркетологам лучше изучить поведение нестандартного потребителя. Как показывают исследования, инклюзивное включение на 47% способствует позитивному взаимодействию с этими группами [15, р. 206]. Несмотря на эти данные, действительность показывает большую осторожность компаний в рекламных обращениях к данным группам населения. Так анализ более 200 рекламных брошюр окружного уровня девяти юго-восточных штатов в США показал, что представленность в брошюрах по туризму людей с ограниченными возможностями крайне низкая. Наиболее представленными группами являются этнические и цветные группы [7, р. 295].

Но даже несмотря на риски, с которыми сталкиваются компании, инклюзивная реклама все же появляется. Так в ходе двухнедельного, проведенного в январе 2020 года на ведущем венгерском телеканале TV2 в прайм-тайм, контент-анализа рекламных материалов с использованием образа человека с ограниченными возможностями, рассматривались частота, роль и тип инвалидности в рекламных блоках. Контент-анализ показал, что инвалид присутствовал в общей сложности 789 минут 33 секунды, рекламный материал наблюдался в ходе исследования 6 раз, в общей сложности 4 минуты 48 секунд. Рекламные ролики представляли инвалида-колясочника, который нуждался в помощи и уходе [16, р. 143].

Таким образом, люди с ограниченными возможностями в незначительной степени появляются в фильмах и рекламе. Во время небольших рекламных роликов люди с ограниченными возможностями часто выступали в сентиментальной роли, нуждающимися в постоянной помощи. Изображение человека с ОВЗ в качестве нуждающегося в помощи и жалости со стороны общества является типичным для инклюзивной рекламы [17, р. 101]. Таким образом, мы можем констатировать, что представление человека с ОВЗ в беспомощном образе — это стереотип, являющийся типичным образом человека с ОВЗ в рекламе, формирующий стереотипное представление общества о людях с ОВЗ.

Согласно исследованию, 76% респондентов говорят о своем сочувствии к людям с разного рода проблемами здоровья, а среди ближайшего окружения опрошенных сочувствующих 57% [1, с. 130]. С другой стороны среди лиц с ОВЗ было проведено исследование образа инвалидов в рекламе. Эмпирические данные, собранные с помощью интервью с женщинами с ОВЗ, указывают на то, что люди с ОВЗ критикуют стереотипные подходы к инвалидности и гендерным конструкциям, которые встречаются в рекламе. Все участники исследования обратили внимание на то, что в рекламе стереотипный образ инвалидности пересекается с гендерной идентичностью [11, р. 2]. Здесь положение инвалида усугубляется принижением положением женщин в обществе.

Интересно проследить зависимость между рекламным стереотипом инвалидности и отношением общества к людям с ОВЗ. Так в исследованиях выяснилось, что стереотипы в отношении рекламы с инвалидами представляют собой форму «безопасной причудливости». Поэтому многие из опрошенных лиц с ОВЗ приветствуют провокационные изображения людей с нарушениями подвижности и предполагают, что такие образы бросают вызов представлениям об инвалидах как о беспомощных людях [12, р. 704].

Рассмотрим на примере рекламы компании «Guinness» разрыв рекламных стереотипов в использовании образа людей с ОВЗ. Компания обратила особое внимание на людей в инвалидных колясках. Реклама была оформлена так, чтобы зритель видел только группу друзей на инвалидных колясках, играющих в баскетбол, для того, чтобы в конце рекламы выяснилось, что только один из мужчин действительно нуждается в коляске [9, р. 117]. В этой рекламе мы видим не беспомощного человека, а обычного члена общества, которому нужно чуть больше внимания и заботы со стороны окружающих, что не соответствует стереотипному образу человека с ОВЗ. С одной стороны общество должно помогать инвалидам, то есть создавать для «колясочников» доступную городскую среду, уважать и принимать их особенности, но с другой стороны такая помощь может быть воспринята как нечто снисходительное. Поэтому в этом вопросе очень важно найти общий консенсус.

Но нельзя отрицать, что переосмысление рекламного образа инвалида потенциально приведет к его широкому принятию социумом с пониманием того, что инвалидность — это не приговор, который мешает нормальной жизни в обществе, а одна из форм включенности в него. Из-за того, что в СМИ и рекламе люди с ОВЗ недостаточно представлены, их проблемы обществу остаются непонятными. Это приводит к серьезной проблеме с самовыражением людей с ограниченными возможностями, а также к низкой самооценке членов малопредставленных меньшинств. Инклюзивная реклама оказывает влияние на самооценку, самосознание людей с ограниченными возможностями [14, р. 330]. Тем самым уменьшается степень скептицизма и стереотипного отношения к лицам с ОВЗ, что дает обществу возможность более четкого осознания проблем инвалидов.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что инклюзивная реклама — это один из инструментов формирования толерантного отношения к людям с ОВЗ. В связи с этим мы предлагаем ряд рекомендаций, которые помогут улучшить качество и количество инклюзивной рекламы в российском медиaprостранстве.

Во-первых, российским компаниям необходимо больше снимать рекламы с использованием образа человека с ОВЗ. Это не только увеличит уровень то-

лерантности в обществе, но и поможет компаниям улучшить свой имидж. Так как не только общество, но и международные компании поощряют проведение таких рекламных акций. Также, съемка рекламных роликов с использованием образа человека с ОВЗ открывает для компаний новую целевую аудиторию, что потенциально приведет к увеличению ее социального капитала.

Во-вторых, при съемке рекламных роликов с использованием образа человека с ОВЗ, компании должны обращаться к специалистам, т.к. неправильное использование терминологии или неправильная интерпретация образа инвалида в рекламе повлечет за собой большее проявление стигматизации инвалидов в обществе. Более того, это может ввести зрителей в заблуждение относительно того, как ведут себя люди с ОВЗ в жизни. Также, неправильное использование образа человека с ОВЗ может способствовать возвращению рекламных стереотипов.

В-третьих, компании должны уйти от рекламного стереотипа людей с ОВЗ. Им нужно показывать инвалидов, как сильных людей, которые, несмотря на физические ограничения, являются полноценными членами общества.

Список литературы

1. *Караева О.С.* Стигматизированные: люди с ограниченными возможностями // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2019. — №1–2 (128). — С. 124–136.
2. *Почебут Л.Г., Безносков Д.С.* Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии // Социальная психология и общество. — 2017. — Том 8. — № 3. — С. 8–19.
3. *Стойнов А.С., Ермолаева А.В.* Влияние социальной рекламы на формирование ценностей молодежи (теоретический аспект) // Современные тренды ГМУ: возможности цифровой трансформации и программно-целевого подхода: сборник трудов конференции — Девятого межвузовского дня научного творчества. Химки, 24 апреля 2021 года. — ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России. 2021. — С. 62–66.
4. *Стойнов А.С., Урывина А.В.* Реклама фастфуда как фактор культуры питания // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2021. — №4 (21). — С. 94–101.
5. *Al-Gamdi L.A.* The art of advertising and its effect on developing communication between disabled people (or: special needs people) and normal people in the Saudi society // International Journal of Humanities and Language Research. — 2019. — Vol. 2. — № 1. — P. 28–32.
6. *Aumann M., Moser J., Raffel F.* DisAbility mit großem A: Strategisches Management zur Inklusion von Menschen mit Behinderungen — Die Wirtschaft als Treiberin gesellschaftlicher Veränderung // CSR und Inklusion. — Springer Gabler, Berlin, Heidelberg, 2021. — S. 197–216.
7. *Benjamin S., Bottone E., Lee M.* Beyond Accessibility: Exploring the Representation of People with Disabilities in Tourism Promotional Materials // Journal of Sustainable Tourism. — 2021. — Vol. 29. — № 2–3. — P. 295–313.
8. *Cooley J.R.* Disabling the Face of Advertising: Investigating Audience Response to Ability-Integrated Advertising: diss... — University of South Alabama, 2017.
9. *Dimitrieska S., Stamevska E., Stankovska A.* Inclusive Marketing-Reality or Make Up // Economics and Management, XVI. — 2019. — Vol. 2. — P. 112–119.

10. *Dogutas A.* Representation of Disabled People in Advertisements in Turkey // *American Journal of Qualitative Research*. — 2021. — Vol. 5. — № 2. — P. 57–72.

11. *Houston E.* 'Risky' Representation: the Portrayal of Women with Mobility Impairment in Twenty-First-Century Advertising // *Disability & Society*. — 2019. — Vol. 34. — № 5. — P. 704–725.

12. *Houston E.* Polysemic Interpretations: Examining How Women with Visual Impairments Incorporate, Resist, and Subvert Advertising Content // *Journal of Advertising*. — 2021. — P. 1–16.

13. *Kuppelwieser V.G., Klaus P.* Viewpoint: a primer for inclusive service marketing theory // *Journal of Services Marketing*. — 2020. — Vol. 34. — № 6. — P. 749–756.

14. *Licsandru T.C., Cui C.C.* Subjective social inclusion: A conceptual critique for socially inclusive marketing // *Journal of Business Research*. — 2018. — Vol. 82. — P. 330–339.

15. *Licsandru T.C., Cui C.C.* Towards a Model of Inclusive Ethnic Advertising: An Abstract // *Academy of Marketing Science Annual Conference*. — Springer, Cham, 2019. — P. 205–206.

16. *Nagy Z.G., Kármán B.* Media Representation of People with Disability in Advertisements — a Short Study // *Gyógypedagógiai Szemle*. — 2021. — № 49 (2–3). — P. 143–155.

17. *Rahmi I.H., Gemiharto I., Limilia P.* Representasi penyandang disabilitas pada film «Yang Tidak Dibicarakan Ketika Membicarakan Cinta» // *ProTVF*. — 2021. — Vol. 5. — № 1. — P. 101–116.

Е.А. Воронцов

ТРИ МОДЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, НОВОЕ ВРЕМЯ

THREE MODELS OF PHILOSOPHIZING: ANTIQUITY, MIDDLE AGES, MODERN TIMES

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и философии МГТУ (e-mail: evg-v@yandex.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich — the candidate of philosophical sciences, associate Professor of the Department of sociology and philosophy of MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу основополагающих трактовок философского познания, сформировавшихся в контексте эволюции западной философии от эпохи досократиков до периода раннего Нового времени. В контексте разбора указанных трактовок выявляются основные признаки философии, ее предметная область, границы и цель. Автор акцентирует внимание на своеобразии и самодостаточности каждого из рассмотренных подходов, невозможности интерпретации смены философских эпох в линиях детерминированного прогресса.

Ключевые слова: Пифагор, Аристотель, Фома Аквинский, Иоанн Дамаскин, Бэкон, Декарт, философия, наука, знание.

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the fundamental interpretations of philosophical cognition formed in the context of the evolution of Western philosophy from the pre-Socratic era to the early Modern period. In the context of the analysis of these interpretations, the main features of philosophy, its subject area, boundaries and purpose are revealed. The author focuses on the uniqueness and self-sufficiency of each of the considered approaches, the impossibility of interpreting the change of philosophical epochs in the lines of deterministic progress.

Keywords: Pythagoras, Aristotle, Thomas Aquinas, John of Damascus, Bacon, Descartes, philosophy, science, knowledge.

Среди необходимых условий адекватного восприятия и оценки конкретных философских учений (из которых, собственно, и складывается философия, ибо никакой анонимной абстрактной философии не существует) первостепенное значение имеет ясное осознание общих мировоззренческих предпосылок, в рамках которых эти учения создаются и интерпретируются.

Важнейшая из указанных предпосылок — разделяемая тем или иным мыслителем (и, как следствие, воплощаемая в его учении) концепция сущности и содержания философского познания как такового. Указанная взаимосвязь не случайна. Будучи мышлением рефлексивным, философия не может не задаваться вопросом о собственной сути и назначении. В настоящей работе предлагает-

ся сравнительный анализ основополагающих моделей философского знания, сформировавшихся в контексте эволюции философской мысли в период от эпохи досократиков до эпохи раннего Нового времени.

С первой попыткой осмыслить своеобразие философского знания и, в частности, определить ее место среди прочих наук мы встречаемся у Пифагора. Согласно Пифагору, философия как учение о числе (а решительно все явления видимого мира, по учению пифагорейцев, могут быть объяснены с помощью чисел) образует фундамент всех человеческих познаний. Вратами, ведущими к философии, являются четыре математических науки: арифметика, геометрия, астрономия и музыка (так называемый квадривиум). Начертанный Пифагором путь познания представлял собой процесс постепенного посвящения, который проходили до конца лишь лучшие из лучших. Подчеркивая уникальность философского образа жизни, Пифагор проводил следующую аналогию. «Жизнь, говорил он, подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» [10, с. 338].

Двигаясь в линиях пифагореизма, Платон трактует философию как знание сугубо элитарное и аристократическое, а с другой стороны — многогранное. Овладение ею — конечная цель многолетнего воспитания правителей идеального государства. Стоять у власти должен тот, кто ведает о том, что есть подлинная справедливость. Знать же сущность последней под силу лишь диалектику — человеку, способному к умозрению мира идей и рассуждению о нем. Диалектик и есть настоящий философ. Необходимым условием созерцания мира идей является овладение дисциплинами квадривиума, главное достоинство которых заключается в том, что они вплотную подводят человека к признаю существования умозрительных предметов. Недаром у входа в основанную Платоном Академию висела надпись: «Не геометр да не войдет».

Считая философию наукой, Платон в то же самое время рисует ее как некое таинство. Тем, кто посвящен в него, открываются скрытые от простых смертных невидимые причины видимых явлений. Им ведомы управляющие космосом силы, пред ними раскрыты определяющие судьбы закономерности. Участь же остальных людей незавидна. Кто непричастен к философии, «проводит нынешнюю жизнь в спячке и сновидениях, и, прежде чем он здесь пробудится, он, придя в Аид, окончательно погрузится в сон» [11, с. 318].

С совершенно иной интерпретацией философии — интерпретацией приземленной, трезвой и лишенной всякого мистического и поэтического измерения, но в то же время поражающей своей всеохватностью и сбалансированностью, — мы встречаемся у Аристотеля.

Всю сферу человеческих знаний, или философию в широком смысле слова, Аристотель делит на знания теоретические, практические и творческие. Отличительная особенность теоретических наук заключается в том, что процесс познания в них самодостаточен, т.е. имеет цель в себе. В области наук практических знания существуют ради правильного действия, а в сфере творческих — ради создаваемого изделия. К творческим наукам относятся риторика и поэтика, к практическим — этика и политика.

Круг теоретических наук образуют физика, математика и философия. Поскольку всё, имеющее цель в себе, ценнее того, что имеет цель в другом, теоретические знания ценнее знаний практических и творческих. Физика изу-

чает область подвижного вещества. Предмет математики — нематериальные и неподвижные числа и фигуры. Последние есть идеализированные свойства физического мира и, будучи абстракциями, реально не существуют. И наконец, философия (или, точнее говоря, «первая философия, которую Аристотель отличает от «второй философии», или физики), с одной стороны, исследует последние причины физических явлений, а с другой — решает вопрос, существует ли что-то сверхфизическое (т.е. нематериальное и неподвижное), и если существует, то какова его природа. Последнее обстоятельство объясняет, почему первую философию Аристотель именует также теологией. Перечисляя пять достоинств философии: всеохватность, трудность, обоснованность, самодостаточность, главенство — Аристотель утверждает, что «все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше — нет ни одной» [2, с. 70].

Итак, философией Аристотель называет, во-первых, всю сферу разнообразных человеческих знаний. И в этом смысле философия суть суммирующая наука. Во-вторых, философия — это учение о началах и причинах, лежащих в основании всех вещей. А потому она — «первая философия». И наконец, в-третьих, поскольку философия исследует природу божественного, она есть «теология».

Анализируя различные аспекты действительности и устанавливая в них ту или иную иерархию ценностей, античная мудрость не признает над собой абсолютно никакого внешнего авторитета, в том числе и религиозного. Более того, в рамках эллинской культуры вразумительный ответ на вопрос о том, что же такое божественное и кто такие боги, мы находим не у религиозных поэтов, творцов эллинской религии, а именно у философов. При этом главными пунктами критики, которую античные мыслители обращают против традиционной религии, становятся свойственные для нее многобожие и антропоморфизм. Аргументы античных философов, изобличающие неразумность и аморальность язычества, войдут в арсенал средневековой мысли.

Если в античности философия выступает как законодатель и арбитр интеллектуальных и нравственных ценностей, то в рамках культуры средневековой ей отводится скромное место «служанки богословия». Кардинальное изменение роли философии было обусловлено утверждением новой картины мироздания, сформировавшейся в результате победы христианства над язычеством.

В то время как для Античности было характерно безмерное доверие к разуму, Средневековье, напротив, исходит из представления об ограниченности и искаженности познавательных способностей человека, что, в свою очередь, объясняет необходимость обращения к Откровению. Теперь над природой возвышается сфера сверхъестественного, над утверждениями разума — истины Писания, а над философией — теология. «Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном Откровении; это было необходимо... ибо истина о Боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом не сразу, притом с примесью многочисленных заблуждений... Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на Откровении», — утверждает Фома Аквинский (1225–1274) [1, с. 826].

Таким образом, наряду со сведениями, приобретаемыми естественным путем (посредством чувств и мышления), средневековые мыслители постоянно опираются на Священное Писание, содержащее некую *дополнительную* ин-

формацию о Боге, человеке и мире, которая обычным образом получена быть не может (она становится для нас доступной благодаря опыту людей посвященных). Приведение в соответствие этих двух видов знания — определяющая задача всей средневековой мысли. При этом ответы на «вечные» вопросы «вычитываются» из Библии, а доводы к этим ответам заимствуются из рассуждений античных философов (главным образом из Платона, Аристотеля, стоиков, неоплатоников).

Особого внимания в данном случае заслуживает факт начала христианской философии. У ее истоков стоят не пророки и апостолы (по характеру сообщаемой информации те и другие целиком и полностью принадлежат области религии), а апологеты и катехизаторы — образованные члены Церкви, взявшие на себя труд защиты и распространения евангельской истины в условиях враждебно настроенного по отношению к ней языческого мира. По понятным причинам в ходе своей просветительской деятельности эти мыслители никак не могли ограничиваться доводами, почерпнутыми из Откровения (для их аудитории они представлялись далеко не всегда убедительными), но должны были также использовать аргументацию универсальную, что, в свою очередь, делало оправданным и целесообразным обращение к достижениям эллинской мудрости. Акцентирование внимания на рациональной составляющей христианского учения, с одной стороны, и адаптация философом античности к нуждам веры — с другой, — общее место всей последующей средневековой мысли: от отцов Церкви до схоластов. Впрочем, сказанное никоим образом не ставит под сомнение тот факт, что, все эти мыслители учили о необходимости веры. Однако веры, опять же, не «безотчетной» и «суетной», а «разумной» и «здравой».

Уступив пальму первенства богооткровенной теологии, в эпоху Средних веков философия по-прежнему рассматривается в качестве высшей из естественных наук. Под главенством философии находятся так называемые «семь свободных искусств», образованных уже знакомым нам квадравиумом (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) и тривиумом (грамматика, риторика, диалектика). Сама философия, в свою очередь, разделяется на теоретическую и практическую. «Теоретическая — на богословие, физиологию и математику... Теоретической философии свойственно украшать знание. Посему богословие есть рассмотрение бестелесного и неведущего: прежде всего Бога, поистине неведущего, а затем ангелов и души. Физиология есть познание материального и непосредственно нам доступного, то есть животных, растений, камней и т.п. Математика есть познание того, что само по себе бестелесно, но усматривается в теле... Практическая философия занимается добродетелями; ибо она упорядочивает нравы и учит, как следует устроить свою жизнь. И если она предлагает законы одному человеку, то называется этикой, если же целому дому — экономикой; если же городам и странам — политикой» [7, с. 58].

В приведенном фрагменте из работы отца Восточной Церкви Иоанна Дамаскина (VIII в. н. э.) мы видим перед собой уже знакомую нам аристотелевскую классификацию наук. Правда, теперь, в соответствии с христианской антропологией, в поле изучения метафизики попадает не только «божественное», но также природа ангелов и человеческих душ. У Аристотеля (как и у большинства античных мыслителей) душа — реальность физическая, а вопрос об ангелах не ставится. Эта же классификация (дополненная знакомым нам трехчленным делением философии на естественную, рациональную и моральную) тор-

жествует и на Западе, в частности, у «отца схоластики» Боэция [4, с. 9], а также у Бонавентуры [3, с. 105].

Таким образом, как и в античности, в эпоху Средневековья философия понимается прежде всего как естественное богословие и суммирующая наука, теперь, однако, она лишается права выступать в качестве источника и критерия истины. Как мы теперь знаем, высшее знание заключается в Библии и разработанном на ее основе христианском богословии.

Вся средневековая картина мира базируется на глубочайшей убежденности ее создателей в том, что вера и разум могут и должны поддерживать друг друга. Отвергая указанную парадигму, мыслители Нового времени солидарны в утверждении абсолютной автономности философского познания. В ходе последнего целесообразно руководствоваться «естественным светом разума», оставляя положения веры (если таковые и признаются) в ведении религии. Но дело не только в этом. Если античные философы искали мудрости, а средневековые были сосредоточены на прояснении смысла идеи Бога, то представители Нового времени целиком и полностью захвачены идеей построения универсальной науки.

Две отмеченные тенденции властно проявляются во всех интеллектуальных построениях данного периода, в том числе и в интерпретации сущности самой философии. Главный интерес в настоящем случае представляют воззрения двух родоначальников новоевропейской философии — Рене Декарта (1596–1650) и Френсиса Бэкона (1561–1626).

В предисловии к своему главному труду «Первоначала философии» Декарт определяет философию вполне традиционно (как у Аристотеля): философствование нацелено на приобретение мудрости. Сущность же последней состоит во владении базисными принципами, которые лежат в основе всех доступных человеку знаний. Первоначала эти, в свою очередь, должны быть, с одной стороны, самоочевидны, а с другой — всеобъемлющи. Декарт подчеркивает: качество всякого рассуждения прямо пропорционально уровню достоверности исходных положений. «Ни одно заключение, выведенное из неочевидного начала, не может быть очевидным, хотя бы это заключение выводилось самым очевидным образом. Отсюда следует, что ни одно умозаключение, основанное на подобных началах, не могло привести к достоверному познанию чего бы то ни было и что, следовательно, оно ни на один шаг не могло продвинуть в отыскании мудрости. <...> Как путники, если они обратятся спиной к тому месту, куда стремятся, отдаляются от него тем больше, чем дольше и быстрее шагают... точно так же случается с теми, кто пользуется ложными началами: чем более они заботятся о последних и чем больше пекутся о выведении из них различных следствий... тем дальше уходят от истины и мудрости» [8, с. 305]. Отыскание истинных первоначал суть стержневая задача главной части философии, которую Декарт, вслед за Аристотелем, традиционно именуется «первой философией», или «метафизикой». Что же касается философии в целом, то она «подобна дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви, исходящие от этого ствола, — все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике, этике» [8, с. 309].

Уясняя специфику философских знаний, Декарт различает пять ступеней мудрости. Первая содержит такие самоочевидные понятия, усвоение которых не требует дополнительных размышлений (по-видимому, здесь речь идет об аксиомах математики). Вторая охватывает данные чувственного опыта. Третья включает в себя всё то, чем можно обогатиться посредством общения с умными

людьми. Четвертая объемлет знания, полученные из книг. Наконец, на пятой ступени находится философия как познание истины по ее первопричинам.

Несмотря на то, что предшествующая философия была возглавляема такими «богато одаренными мужами», как Платон и Аристотель, она, по мнению Декарта, так и не смогла подняться выше четвертой ступени.

Основную причину неудовлетворительного состояния прежней науки Декарт видит в отсутствии прочной методологической базы. Ведь именно методу принадлежит решающее значение как в ходе отыскания первоначал, так и в процессе выведения из них прочих знаний. «Гораздо лучше никогда не думать об отыскании истины какой бы то ни было вещи, чем делать это без метода: ведь совершенно несомненно, что вследствие беспорядочных занятий такого рода и неясных размышлений рассеивается естественный свет и ослепляются умы...» [8, с. 86].

Итак, чтобы стать научным, философское мышление должно быть снабжено соответствующим методом. Разрабатывая последний, Декарт сознательно и целенаправленно ориентируется на математику — единственную дисциплину, которая, по его мнению, «не тронута никаким пороком лжи и недостоверности» и потому по праву может быть названа наукой. «Математика приучает нас к познанию истины, поскольку в ней содержатся точные рассуждения, кои не встречаются нигде за ее пределами. А посему тот, кто однажды приучит свой ум к математическим рассуждениям, сделает его также способным к исследованию других истин: ведь способ рассуждения всюду один и тот же» [8, с. 485].

В основание декартовской методологии лежат четыре принципа, соблюдение которых является необходимым и достаточным условием безошибочного познания. Принцип интуиции требует исходить только из того, что для ума «ясно и отчетливо». Принцип анализа предписывает «делить каждую из рассматриваемых трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы их ... разрешить». Принцип постепенности рекомендует «располагать мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить... до познания наиболее сложных». И наконец, принцип полноты предписывает делать «полные перечни» и «всеохватывающие обзоры» разбираемых случаев [8, с. 260]. Применение указанных принципов ко всем областям действительности (а не только к сфере чисел и фигур) позволит создать «всеобщую математику». Она же и будет подлинной философией.

Не менее радикальному пересмотру подвергается традиционная интерпретация философии и в рассуждениях второго родоначальника новоевропейской мысли — английского теоретика и пропагандиста науки Френсиса Бэкона.

Опорными пунктами бэконовской модели философии служат следующие две предпосылки. Согласно первой, все знания делятся на знания естественные и сверхъестественные (интересно, что в данном пункте Бэкон рассуждает вполне в духе Фомы Аквинского). Важно при этом, что вся информация первого рода, в конечном счете, имеет своим единственным источником чувственный опыт. «Знание по его происхождению можно уподобить воде: воды либо падают с неба, либо возникают из земли. Точно так же и первоначальное деление знания должно исходить из его источников. Одни из этих источников находятся на небесах, другие — здесь, на земле. Всякая наука дает нам двоякого рода знание. Одно есть результат божественного вдохновения, второе — чувственного восприятия» [5, с. 199]. Согласно второй предпосылке, познавательные возможности человека целиком и полностью исчерпываются тремя интеллектуальны-

ми силами души: памятью, воображением, рассудком. Причем если память и воображение имеют дело с впечатлениями от единичных предметов, то рассудок оперирует общими понятиями, которые есть результат обработки этих впечатлений в соответствии с «законами природы и фактами самой действительности» [5, с. 149]. Памяти соответствует история, воображению — поэзия, рассудку — философия.

В качестве суммирующей науки философия распадается на три основных части: учение о Божестве, учение о природе и учение о человеке. Что касается первой из этих частей, то речь здесь идет не о боговдохновенной теологии, а о теологии естественной. Она есть такое знание, которые «можно получить о Боге с помощью света самой природы и созерцания Его творений... Подобно тому, как творения мастера раскрывают нам его талант и мастерство, но ни в коей мере не могут нарисовать его образ» [5, с. 204].

Три основных части предваряет «первая философия», или «всеобщая наука», представляющая собой собрание и объяснение универсальных аксиом и общих понятий, используемых во всех дисциплинах. Иллюстрируя место «первой философии» среди прочих наук, Бэкон уподобляет ее неразветвленной части ствола, а также общему участку пути, за которым дороги начинают расходиться в разные стороны. Задача первой философии — демонстрация единства природы. Данной науке нельзя «противопоставить никакой другой, ибо она отличается от остальных наук, скорее, своими границами, чем содержанием и методом, рассматривая вещи лишь в самом общем виде» [5, с. 200].

Уже тот факт, что философия у Бэкона базируется на чувственном опыте и есть дисциплина рассудочная, ставит его точку зрения вне магистрального пути развития мировой философии. Путь этот, проложенный классиками греческой мысли Платоном и Аристотелем, сам Бэкон считал ошибочным и тупиковым и не скрывал своей благосклонности к свободным от метафизики построениям первых греческих натурфилософов. Но дело не только в этом. Порывая с многовековой традицией, Бэкон придает философии ярко выраженную утилитарную направленность. В конце концов целью науки, а значит, и философии (ибо, как мы могли убедиться, эти два понятия на языке Бэкона употребляются синонимически), является установление господства человека над окружающей его материальной действительностью — той самой, которую прежние философы в лице пифагорейцев, платоников и христианских монахов ошибочно трактовали как сферу иллюзий и суеты. Именуя средневековую философию «бесплодной монахиной», Бэкон выступает и против идеала античного. Параллельно вступая в заочную полемику с Пифагором, Бэкон настаивает на том, что в театре жизни люди зрителями быть не могут: это прерогатива Бога и ангелов. Но приближение «царства человека» невозможно без масштабных открытий и изобретений. Последние, по глубочайшему убеждению Бэкона, должны происходить не случайно и хаотично, как это было во все предшествующие времена, а планомерно и целенаправленно. Таким образом, в рамках учения Бэкона — и здесь английский мыслитель полностью солидарен со своим французским современником — философия является не только суммирующей наукой, но и берет на себя роль методологии естественного познания. «Наш же путь открытия наук таков, что он немного оставляет остроте и силе дарований, но почти уравнивает их. Подобно тому как для проведения прямой линии или описания совершенного круга много значат твердость, умелость и испытанность руки, если действовать только рукой, — мало или со-

всем ничего не значит, если пользоваться циркулем и линейкой. Так обстоит и с нашим методом» [6, с. 27–28].

Следует особо подчеркнуть, что оба мыслителя разделяют концепцию двойной истины, признавая тем самым, что наряду со знаниями, полученными посредством естественных познавательных способностей, есть знания, приобретаемые через Откровение [11, с. 31; 5, с. 487]. Их смешение вредно и для философии, и для религии. Таким образом, сфера действия философских принципов не безгранична. Данный подход к вопросу о соотношении философии и религии разнится с подходом, сложившимся в ходе последующего развития европейской культуры, в том числе от точки зрения представителей Просвещения и немецкой классической философии.

Подведем итоги. Мы проанализировали основополагающие модели философского знания, сформировавшиеся в контексте эволюции философской мысли в период от эпохи досократиков до эпохи раннего Нового времени.

Единство и различие рассмотренных моделей наглядно представлено в нижеприведенной таблице.

Функции философии \ Период	Античность	Средневековье	Новое время
высшее знание	+	–	+/-
суммирующая наука	+	+	+
методология научного познания	+	+	+
путеводительница жизни	+	–	–

Рассмотренные модели получают «второе дыхание» в контексте постклассической философской мысли. «Новоевропейский» вариант философствования находит свое продолжение в построениях неопозитивистов, «средневековый» — в рамках неотомизма, «античный» (за исключением пункта, отождествляющего философию с наукой) — в рассуждениях экзистенциалистов.

Представленные в работе материалы наглядно демонстрируют принципиальную открытость и многомерность философской мысли, не допускающей редукционистски-прогрессистских подходов.

Литература

1. Антология мировой философии: в 4-х т. — Т. 1. — Ч. 2. — М., 1969.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. — Т. 1. — М., 1984.
3. Бонавентура. Путеводитель души к Богу. — М., 1983.
4. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. — М., 1990.
5. Бэкон. Сочинения: в 2-х т. — Т. 1. — Изд. 2-е. — М., 1977.
6. Бэкон. Сочинения: в 2-х т. — Т. 2. — М., 1972.
7. Иоанн Дамаскин. Источник знания. — М., 2002.
8. Декарт. Сочинения: в 2-х т. — Т. 1. — М., 1989.
9. Декарт. Сочинения: в 2-х т. — Т. 2. — М., 1989.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых греческих философов. — М., 1995.
11. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. — Т. 3. — М. 1994.

Н.А. БЕРДЯЕВ О ФЕНОМЕНЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

N.A. BERDYAEV ON THE PHENOMENON OF THE RUSSIAN REVOLUTION
AND ITS CONSEQUENCES: SOCIO-ETHICAL ANALYSIS

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Александровна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии культуры Института философии Национальной академии наук Беларуси (e-mail: olga.pavl@tut.by)

PAVLOVSKAYA Olga Alexandrovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (e-mail: olga.pavl@tut.by)

Аннотация. В контексте современных трансформаций социального бытия весьма актуальными являются воззрения Н.А. Бердяева на проблему духовно-нравственных оснований революционного переустройства общества и связанных с ним социокультурных последствий. Цель статьи — на основе анализа философско-исторического наследия выдающегося русского мыслителя раскрыть специфику проявления морального фактора в ходе революционного преобразования России и вызванных этим процессом изменений в духовно-нравственной жизни общества и человека. Рассмотрены экзистенциальный, социально-политический и духовно-нравственный аспекты революции как социального феномена, выявлены характерные особенности отражения нравственных ценностей в народном и личностном сознании в условиях кардинальных социальных изменений.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, социальная революция, моральный фактор, духовная культура, личность, христианские ценности

Abstract. In the context of modern transformations of social life, the views of N.A. Berdyaev on the problem of the spiritual and moral foundations of the revolutionary reorganization of society and the associated socio-cultural consequences are highly relevant. The purpose of the article is, based on the analysis of the philosophical and historical heritage of the outstanding Russian thinker, to reveal the specifics of the manifestation of the moral factor in the course of the revolutionary transformation of Russia and the changes caused by this process in the spiritual and moral life of society and man. The existential, socio-political and spiritual-moral aspects of the revolution as a social phenomenon are considered, the characteristic features of the reflection of moral values in the national and personal consciousness in conditions of cardinal social changes are revealed.

Keywords: N.A. Berdyaev, social revolution, moral factor, spiritual culture, personality, Christian values

Тема социальной революции вызывает повышенный интерес в связи со столетним юбилеем революционных событий в России, получивших название Февральской и Октябрьской революций, которые потрясли мировое сообщество как грандиозностью целей и масштабом преобразований, так и чрезвычайной жестокостью и беспощадностью в выборе и использовании методов и средств.

Происходящие в современном обществе социальные трансформации зачастую сопровождаются явно выраженным недовольством народных масс, стихийными или организованными акциями протеста. В общественном мнении многим подобного рода политическим событиям стали присваивать статус «революционных», особо подчеркивая их значение в кардинальной ломке существующих социальных устоев («цветные революции», «арабская весна», «революция достоинства»). Однако при этом под прикрытием псевдодемократических целей открыто проводятся насильственные, агрессивные действия, происходят вооруженные столкновения, что неминуемо сопряжено со страданиями и гибелью людей, дестабилизацией в целом общественной обстановки.

И исторический опыт, и современная политическая практика убедительно свидетельствуют о той огромной нравственной цене, которую приходится платить за революционный путь социально-политического переустройства. В этой связи особую актуальность приобретает *социально-этический* анализ феномена революции, ее социокультурных предпосылок и последствий, общих закономерностей и региональной специфики.

В научном сообществе вызывают полемику вопросы и о самом понятии «социальная революция», и о методологических подходах исследования этого феномена. Если в марксизме упор делался на стадийном характере революции, то есть она рассматривалась как поворотный момент в смене общественно-экономических формаций, то в дальнейшем это понятие отождествлялось либо с масштабным выступлением народных масс, либо с переворотом, приведшем к смене государственной власти, либо со скачком в ходе социальной эволюции, либо с кардинальными общественными преобразованиями (например, Э. Бернштейн, проводя «ревизию» марксизма, сводит революцию к вооруженному восстанию — «внезаконному насилию»).

В XX в. сформировалось такое направление, как социология революции, начало которому было положено П. Сорокиным. Польский социолог П. Штомпка отмечает, что революции «знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах, преобразуют человеческое общество изнутри и буквально “перепахивают” людей» [10, с. 367]. Основные теории революции подразделяются на: 1) бихевиористские (поведенческие) — источник радикализации поведения масс заключен в длительном подавлении витальных потребностей людей (П. Сорокин); 2) психологические — осознание массами несправедливости своего общественного положения (Дж. Дэвис, Т. Гурр); 3) структурные — приоритет отдается классовым и групповым отношениям в обществе, обострение которых ведет к установлению нового государственного строя (Т. Скокпол); 4) политические — в основе лежит борьба за политическую власть различных оппозиционных сил и победа одной из них (Ч. Тилли) [10, с. 376–386].

Народные протесты и политические беспорядки, возникшие в ряде стран в конце XX – начале XXI вв., по мнению американского социолога Дж. Голдстоуна, являются основанием для создания «теории революции четвертого поколения», в которой «важное место займут вопросы идентичности и идеологии, гендерных проблем, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил» [7, с. 103]. Представления о стабильности и справедливости государственного режима, в целом выраженные в образе «счастливого государства», могут быть разрушены под влиянием целого ряда факторов. Среди многообразия факторов, ведущих либо к перенапряжению и разрыву общественных связей, либо

к преодолению социального кризиса, ключевая роль отводится политическим факторам: с одной стороны, это зависит «от мастерства и поступков вождей государства и революционных лидеров», с другой — выражается в разработке рациональной модели политического устройства с учетом «меры стабильности государственного режима» [7, с. 79, 102]. Однако, как утверждает российский исследователь Э.Э. Шульц, «одной из отличительных черт так называемого «четвертого поколения» является эклектизм — объединение различных точек зрения и положений «под одной крышей», сглаживая противоречия между их предпосылками и принципами ... На сегодняшний день нет единого, удовлетворяющего и принятого большинством определения революции ... Нет согласия ни в вопросах причин, ни последствий революций» [11, с. 172].

В контексте происходящих в последнее время социально-политических трансформаций большое научно-познавательное значение имеет переосмысление философско-исторического наследия Николая Александровича Бердяева (1874–1948) по вопросу о причинах и последствиях Русской революции, оценки ее роли в духовно-нравственном развитии российского общества и самооценки ее отражения в его личной жизни и творчестве. «Каждое время, — пишет российский ученый Б.Г. Могильницкий, — рождает свой образ революции. Но в любом случае, чтобы претендовать на научность, этот образ должен быть многоцветным, объемным, стереоскопическим. В поисках путей, приближающих создание такого образа, и заключается значение бердяевской концепции русской революции» [8, с. 109].

Исследование предпосылок, движущих сил, ведущих субъектов, последствий революционного процесса необходимо предполагает обращение к проблемам социально-психологического характера, которые напрямую связаны с умонастроениями и действиями народных масс, чувствами, убеждениями и поступками конкретных личностей. В этой связи особую значимость приобретает проблема проявления собственно морального фактора в разворачивании революционных событий и преодолении социально-политического кризиса.

На наш взгляд, специфика морали (нравственности) в качестве фактора социального развития выражается: со стороны общества в *социально-регулятивной* роли, а со стороны личности — в *культуросозидательной* роли, и соответственно в согласовании между ними (либо рассогласовании в условиях социальных трансформаций). На общественном уровне осуществляется масштабное и мощное социокультурное воздействие на индивидов как стихийно в потоке народной жизни (общественные нравы), так и целенаправленно в деятельности социальных институтов (государства) и отдельных субъектов. Социально-регулятивная роль морали реализуется посредством совокупности ценностей и императивов, идеалов и принципов, норм и правил, в которых отражаются общепризнанные представления о добре и зле, дозволенном и недозволенном, а также посредством комплекса традиционных механизмов регулирования и способов воспитания, идеологических и правовых установлений, символов исторической памяти и образов будущего. Культуросозидательная роль морали непосредственно связана с реальной жизнедеятельностью личности, процессом ее духовно-культурного развития, в результате чего формируется личностная культура, в структуре которой различного рода моральные компоненты являются своеобразным стержнем (ядром), вокруг которого вращается и с которым взаимодействует весь «арсенал» ценностей, которые усваиваются и реализуются человеком [9, с. 101–102].

В условиях социальных трансформаций отчетливо проявляются основные функциональные стороны морального фактора, достаточно определенно просматривается их рассогласование между собой: во-первых, мораль заметно утрачивает свое значение в качестве *необходимого условия* обеспечения жизни в рамках того или иного сообщества людей как совокупности общепризнанных идеалов, принципов, норм, правил, императивов, и тем самым подрывается стабильность и упорядоченность общественных связей; во-вторых, мораль воочию проявляется в виде *симптома* (или группы симптомов) критического состояния социума, что сигнализирует о неблагополучии, беспокойстве, о нарастающих кризисных явлениях в жизни людей, становится своего рода предупредительным сигналом нарастающей социальной дестабилизации; в-третьих, мораль существенно актуализируется в качестве *движущей силы* социального развития, что выражается в способности морального сознания отражать через образы, идеалы, цели человеческое стремление изменить к лучшему свою жизнь и жизнь других людей, в аккумуляровании духовной энергии на их реализацию, в активизации творческой самореализации и социально-преобразовательной деятельности [9, с. 123].

На основе обобщения личных впечатлений, размышлений, теоретических изысканий Н.А. Бердяева, отраженных в его философско-исторических произведениях, представляется возможным составить реальную «картину» проявления различных сторон морального фактора как в разворачивании революционных событий и утверждении нового политического устройства в России, так и в философском обосновании раскрытия личностной природы человека как магистрального направления развития человеческого сообщества в целом.

Экзистенциальный аспект революции. Н.А. Бердяев был свидетелем революционных событий в России и последовавших за ними кардинальных социальных перемен. Он откровенно заявляет: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное» [4, с. 226]. Поэтому его личный опыт переживания и осмысления происходящих революционных событий представляет особенно ценную информацию социально-философского и морально-психологического характера.

В автобиографической книге «Самопознание» показана эволюция отношения Н.А. Бердяева к разворачиванию российского революционного процесса. Так, революция 1905 г. вызвала у него тяжелые личные переживания: «Я считал революцию неизбежной и приветствовал ее. Но характер, который она приняла, и ее моральные последствия меня оттолкнули и вызвали во мне духовную реакцию». С недоверием относился философ и к нарастанию революционных настроений в обществе, считая, что «революция будет враждебна свободе и гуманности» [4, с. 135].

Оценивая предреволюционную ситуацию, Бердяев отмечает, что обострение социального кризиса в российском обществе проявилось, с одной стороны, в дискредитации и моральном падении царской власти: «Старая власть потеряла всякий нравственный авторитет. В нее не верили, и во время войны авторитет ее еще более упал» [2, с. 114]; с другой стороны — в постепенном ослаблении и даже деградации собственно «буржуазного духа»: «Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии, заражающей массы» [2 с. 114]; с третьей — в ослаблении в народном сознании

религиозной веры и падении авторитета церкви: «Религиозные верования народа, которыми держалась монархия, начали разлагаться <...> Церковь потеряла руководящую роль в народной жизни» [2, с. 109–110]. С морально-психологической точки зрения февральские события вызвали у Бердяева острое чувство одиночества и оставили неизгладимый след в его душе: «Трансформация людей — одно из самых мучительных впечатлений моей жизни» [4, с. 228].

Захват политической власти большевиками и их деятельность по утверждению нового строя неоднозначно были восприняты Бердяевым. В частности, он пишет: «В октябре 1917 года я еще был настроен страстно-эмоционально, недостаточно духовно. <...> Изначально я воспринял моральное уродство большевиков. Для меня их образ был неприемлем и эстетически, и этически. <...> Все пять лет я отличался моральной непримиримостью» [4, с. 229]. Но с течением времени после глубокого осмысления происходящих в России перемен он отмечает: «Во мне произошел процесс большого углубления, я пережил события более духовно, и я осознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма» [4, с. 228].

В целом, переживая и осмысливая происходящую в России революцию, Бердяев приходит к неоднозначной и противоречивой ее оценке: с одной стороны, эта революция на всех своих этапах являлась стихийным процессом: «Все эти люди, представлявшие разные революционные и оппозиционные течения, чувствовали себя во власти стихийных, фатальных сил, которыми они не могут управлять и направлять согласно своему сознанию» [4, с. 227]; с другой стороны — лично для себя самого он открывает значение революции как источника раскрепощения и проявления духовных сил личности: «Я понял, что революционером я всегда был и остаюсь им по тем же причинам, по которым восстал против революции и революционеров. Эта революционность связана с моим персонализмом и моим пафосом свободы» [4, с. 135]. С учетом этого в бердяевской трактовке революции можно выделить следующие позиции: 1) революция как социально-политический феномен и 2) революция как духовно-нравственный феномен, и они отличаются между собой по характеру и степени проявления морального фактора.

Революция как социально-политический феномен. С социально-этической точки зрения можно говорить об онтологических основаниях русской революции. Н.А. Бердяев усматривает их прежде всего в трансформации духовных сил трудящихся масс, в произошедшем «перевороте в душе народа». «Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» [2, с. 102]. На этой почве особым образом соединились, оказались в «плавильном котле» и многовековые искания народной воли, и народнические призывы к крестьянской революции, и адаптированные к российской действительности западноевропейские идеи о пролетарской революции и коммунистическом будущем.

По мнению Бердяева, специфика российской революции заключалась в том, что она была рабоче-крестьянской (скорее, аграрной, а не сугубо пролетарской) по своему характеру, причем, в структуре ее движущих сил большую долю составляли крестьянские массы, в том числе и представители рабочего класса в первом поколении. Это наложило отпечаток и на формирование нового революционного мировоззрения.

Во-первых, это проявилось в моральной сфере. Бердяев подчеркивает, что революция была не только социально-экономической, но и прежде всего «революцией моральной и бытовой» [2, с. 111]. В народном сознании наблюдалось резкое дистанцирование от всего того, что было связано с культурой и образом жизни господствующих привилегированных слоев, по существу произошел переворот в общественных нравах. Революционное движение «сопровождалось провозглашением новой революционной морали, соответствующей новому психическому типу и новым условиям» [2, с. 102]. Впоследствии марксизм-ленинизм как идеологическая доктрина диктатуры пролетариата «оказался ближе к морали старой деспотической власти» [2, с. 106].

Во-вторых, особым образом трансформировалось религиозное сознание. Народ в силу низкого культурно-образовательного уровня был не в состоянии должным образом оценить и воспринять либерально-демократические ценности, открывающие простор для индивидуальной самореализации. «Народная душа, — пишет Н.А. Бердяев, — легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь» [2, с. 115]. Поэтому неудивительно, что коммунистическая идеология, ее носители и соответствующие ей атрибуты воспринимались в массовом сознании как священные.

В-третьих, формировался новый образ государственности, который во многом походил на «старый» автократический тип управления с присущими ему жестокими и насильственными методами, тоталитарным характером воздействия, глубокими религиозными корнями. «Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает как священное царство, как обратную теократию» [2, с. 117].

В-четвертых, рождалась новая мотивация труда (коллективного), освобожденного от «старого» угнетения и порабощения и вдохновленного мечтой о светлом будущем. Бердяев отмечает, что в ходе строительства нового общества органично соединились в едином трудовом порыве и религиозная энергия русского народа, и энтузиазм молодого поколения, «которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение» [2, с. 119].

В ходе революционных преобразований в России попытки преобразовать социально-экономические отношения напрямую были связаны с действием *политического* фактора, при этом зачастую с пониманием свободы как вседозволенности, а также с использованием различных насильственных методов и средств. По словам Н.А. Бердяева, русские коммунисты «сознали себя уже в царстве свободы, они не в капиталистическом мире, они в стихии пролетарских революций ... они не определяются экономикой, не зависят от необходимости капиталистического развития, они сами своей революционной активностью определяют, как хотят, экономику» [2, с. 121].

Создавалась новая, пролетарская, мораль, которая являлась противоречивой по своему характеру: с одной стороны, для нее были свойственны классовая нетерпимость и непримиримость, она становится «менее гуманной, не стесняющейся никакой жестокостью» [2, с. 102], с другой стороны — преобладает коллективистский дух, что способствует единению и сплоченности людей, но в то же время ограничивает проявление их индивидуально-личностного потенциала. Новая мораль «неизбежно оказывается беспощадной к живому кон-

кретному человеку, к ближнему. Индивидуальный человек рассматривается как кирпич, нужный для строительства коммунистического общества, он есть лишь средство» [2, с. 125]. Следует отметить, что в обстановке революционного преобразования общества сам моральный фактор в ценностно-нормативном плане значительно видоизменяется, освобождается от религиозно-церковного влияния, однако его социально-регулятивная функция всецело подчиняется политическому курсу и идеологической доктрине пролетарского государства.

Несмотря на определенное давление политических структур на сферу духовной жизни, открываются и новые возможности для раскрытия потенциала морали в мировоззренческом плане. Это отчетливо проявилось следующим образом. Во-первых, в освобождении человеческой мысли и творческой энергии людей в ходе научно-технической и культурной революции; во-вторых, в светской интерпретации нравственных ценностей в ходе законотворческой деятельности и правового регулирования общественной жизни; в-третьих, в последовательном проведении в жизнь принципа светского образования, то есть свободного от религиозной догматики и культовой практики, что способствовало развитию человеческого разума и активизации нравственного воспитания трудящихся.

В целом социально-политические преобразования, обусловленные революционными событиями, становятся реально осуществимыми посредством освобождения и обогащения духовной энергии индивидов, придания ей массового характера. Однако как по мере разворачивания индустриально-капиталистического процесса, в результате чего человек становится подчиненным власти экономики и денег, так и в ходе строительства пролетарской государственности, ведущего к подчинению личных интересов человека интересам коллектива и государства, заметно ослабевает, а то и нивелируется, действие личностного компонента в структуре морального фактора. Как отмечает Бердяев, «нравственный момент в человеческой жизни теряет всякое самостоятельное значение. И это есть несомненная дегуманизация. Цель, для которой оправдываются всякие средства, есть не человек, не новый человек, не полнота человечности, а лишь новая организация общества» [2, с. 149].

Революция как духовно-нравственный феномен. Для самого Бердяева приоритетом была не политическая революция, а революция человеческого духа: «Мне трудно вполне принять какую-либо политическую революцию потому, что я глубоко убежден в подлинной революционности личности, а не массы, и не могу согласиться на ту отмену свобод во имя свободы, которая совершается во всех революциях» [4, с. 135].

В своем философском творчестве Бердяев выводит глубинные, духовно-нравственные основания природы человека, реально проявляющиеся в его личности, что позволяет ему как единичному существу подниматься в своем движении к высшему идеалу. «Личность есть по преимуществу нравственный принцип, из нее определяется отношение ко всякой ценности <...> Личность есть ценность, стоящая выше государства, нации, человеческого рода, природы, и она, в сущности, не входит в этот ряд. Единство и ценность личности не существует без духовного начала. Дух конституирует личность, несет просветление и преображение биологического индивидуума, делает личность независимой от природного порядка» [3, с. 63]. Данная методологическая позиция находит развитие в выдвинутой Бердяевым идеи персоналистической революции, в результате которой в сознании человека осуществляется осознанный и добровольный выбор ценностей, раскрывающих и возвышающих

его собственное человеческое достоинство, облагораживающих его связь с другими людьми.

Осмысливая российскую действительность, Бердяев акцентирует внимание на вопросе о морально-психологических причинах, препятствующих процессу личностного развития человека. В частности, он определяет специфические черты состояния общественных нравов, которые в условиях кризиса резко обостряются и утрачивают свои регулирующие и воспитательные функции. «Болезнь русского нравственного сознания, — пишет философ, — я вижу прежде всего в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств» [1, с. 79]. Исторически эти особенности закреплялись в народном сознании, что выражалось, с одной стороны, в доминировании массового начала в человеческом сознании: «личность чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и сознана», с другой — в недостаточном общекультурном развитии человека: «ко всей высшей культуре он предъявляет целый ряд нравственных претензий и не чувствует нравственной обязанности творить культуру» [1, с. 79]. А это, в свою очередь, серьезно сдерживает (тормозит) реализацию культуросозидательной функции морали.

В контексте идеи персоналистической революции особый интерес представляют размышления Бердяева по проблеме соотношения социальности и духовности. Длительное время в истории происходил отрыв духовности, интеллектуальной деятельности от реалий социальной жизни, что нашло отражение в различных традиционных культурных формах — это и античные представления о дуализме тела и духа, и противопоставление традиционной христианской духовности мирской жизни, и выделение в особую группу представителей интеллектуального творчества, в результате чего «духовность понимается кабинетно, книжно, переходит в академии и литературу» [6, с. 384]. Такой отрыв, по словам Бердяева, неминуемо выразился для человека в «состоянии обманчивого сознания», сама духовность «превратилась в условную форму и лишилась внутреннего существования» [6, с. 444]. Далее Бердяев указывает, что «если духовность совершенно отрешается от социальной жизни и покорна социальным формам, как данности, то этим искажается сама духовность, замутняется и порабощается» [6, с. 450]. Наиболее открыто это проявляется в общественной жизни как «торжество социальной обыденности» [6, с. 444], как «царство буржуазности под знаком власти денег» [6, с. 451]. Даже усовершенствование материального мира посредством использования техники не в состоянии сгладить и изменить существующие искаженные формы духовности. Подобного рода зависимости необходимо отражаются и на состоянии морального сознания, которое все более и более отрывается от реальной жизни и выражается преимущественно в абстрактных и символических формах. «Вся моральная жизнь, — пишет Бердяев, — кристаллизующаяся в нравах, основана на символике, а не на реальном преображении людей. Законническая мораль требует от людей выполнения условных символов, не имеющих обязательной реальной связи с их внутренней жизнью, с их духовностью» [6, с. 395].

В противовес такому положению дел, по мнению Бердяева, жизненно необходимым становится образование *новой духовности*, которая по сути своей — «персоналистическая, так как в основании ее лежит отношение человека к человеку, к ближнему, ко всякой конкретной человеческой личности» [6, с. 452].

Эта духовность представляет собой совершенно иное отношение к существующей действительности, не порабощенное и искаженное, а внутренне свободное и творческое, совершенно иное отношение и к трудовой деятельности, не отчужденное и угнетенное, а активное и созидательное. «Новая духовность на философском языке означает освобождение от объективации и от подчинения духа дурной, падшей социальности. Вместе с тем это означает переход от символизации духа к реализации духа. Духовная жизнь есть освобождение от рабства, от магической заколдованности человека, от иллюзий сознания и от подавленности бессознательной родовой традиции, от всякого рода табу, мешающих свободному движению» [6, с. 456]. Такой подход принципиально изменяет характер зависимости между социальностью и духовностью, теперь уже духовность воспринимается как реальное изменение окружающего мира, «подчиняя мир внутреннему существованию, всегда глубоко личному, разрушая призраки “общего”, то есть совершая персоналистическую революцию» [6, с. 445].

В контексте образования новой духовности Бердяев рассматривает и сущность христианской духовности, обязательно учитывая при этом исторически происшедшие с нею трансформации: «В прошлом христианства не раскрылась еще целостная духовность, как не раскрылась целостная человечность» [6, с. 451]. Он подчеркивает, что исторически в самих религиозных отношениях с доминированием позиции послушания и строгого соблюдения культа происходило сужение и ослабление человеческой духовности, она «была реализована лишь символически» [6, с. 445].

Российский философ вполне определенно указывает на роль социальной среды в трансляции ценностей христианства в зависимости от ее качественного состояния: «Христианство может меняться не потому, что меняется откровение, т.е. то, что идет от Бога, а потому что меняется человеческая среда, воспринимающая откровение <...> А эта среда зависит от социальных отношений людей. Когда в социальной жизни отношения между людьми волчьи, когда человек угнетает и эксплуатирует человека, то от этого меняется и духовная жизнь людей, меняется даже богопознание» [6, с. 450]. Преодоление такого положения, по мнению Бердяева, всецело зависит от последовательного и неуклонного освоения конкретным человеком общечеловеческих по своей сути христианских нравственных ценностей, а также реализации этой цели как в религиозном/богословском, так и в светском/философском познании. В итоге — образование новой духовности: «Это не будет идеализмом, который не чувствует сопротивления массивной реальности ... это будет духовный реализм, не только восходящий, но и нисходящий, дух активный, а не пассивный» [6, с. 461].

Революционность как онтологическая черта духовно-нравственного преобразования личности имеет глубинные основания в самой человеческой природе. По словам Бердяева, «это — нравственный парадокс, который следует глубоко продумать». Суть его заключается в следующем: «Исключительное стремление к собственной чистоте, к сохранению своих белых одежд не есть высшее нравственное состояние. Нравственно выше — возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину» [5, с. 156]. Такая духовная связь одного человека с другим, с ближними людьми, метафизическая по своей сути, получает реальное воплощение через полноценное личностное развитие каждого из них, тем самым происходит сохранение и самих истоков человеческого бытия как такового.

Заключение. В социально-гуманитарном плане переход современного общества на информационный путь развития, с одной стороны, обуславливает возникновение острых проблемных зон, где накапливается конфликтный потенциал, возникают критические политические ситуации, зреет недовольство народных масс, что представляет серьезную угрозу личной, семейной, национальной и глобальной безопасности, с другой стороны — сопряжен с активным аксиологическим поиском: утверждением и массовым освоением общечеловеческих ценностей гуманистической направленности, сохранением историко-культурных и развитием новых цивилизационных форм человеческого бытия.

В контексте этих глобальных тенденций особенно значимыми и востребованными являются философские размышления и творческие искания Н.А. Бердяева. Особую ценность они имеют для понимания сущности морали (нравственности) как основания человеческого бытия и фактора социально-культурного развития. Отчетливо это раскрывается в следующих позициях (проекциях) морали в системе общественных отношений. Во-первых, это процесс саморефлексии личности в сложнейших жизненных ситуациях, позволяющий открывать и рационально постигать глубины собственного духовного мира посредством дихотомии добра и зла, последовательно и неуклонно раскрывать в самом себе главное предназначение человека — *«быть человеком»*. Во-вторых, осознание драматических и трагических сторон человеческого бытия, обусловленных насилием, агрессией в ходе любых политических конфликтов, революционной борьбы, военных столкновений, неминуемо вызывает естественное человеческое желание — *«жить по-человечески»*, а это, в свою очередь, выводит на передний план необходимость создания благоприятной социокультурной среды, предоставляющей реальные возможности для воспроизводства и развития человеческой жизни, проявления и совершенствования духовно-нравственного потенциала людей. В-третьих, сознательное и добровольное стремление людей, каждого из них, увидеть и понять другого человека как высшую ценность, что необходимо выражается в позиции *«относиться друг к другу по-человечески»*, в проявлении таких нравственных ценностей, как любовь, сострадание, взаимоуважение, милосердие, дружба, взаимопомощь и др. В последовательном и неустанном развертывании этих проекций морали раскрывается возрастание ее роли в процессе эволюции человека, его восхождении от природной дикости и грубости к обретению своей неповторимой индивидуальности и уникальной личностной сущности, а следовательно, все более открываются реальные возможности для гуманизации в целом общественных отношений.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — С. 55–89.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). — М.: Книга, 1991.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М.: Мысль, 1990.
6. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994.

7. *Голдстоун Дж. А.* К теории революции четвертого поколения // *Логос*. — 2006. — № 5 (56). — С. 58–103.
8. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
9. *Павловская О.А.* Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход / науч. ред. А.Н. Данилов. — Минск: Беларуская навука, 2021.
10. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер с англ. А.С. Дмитриева / под ред. В.А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996.
11. *Шульц Э.Э.* Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. — 2015. — № 1 (198). — Вып. 33. — С. 167–172.

К.М. Фурат, М.Г. Назирли

КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АРАБСКИХ СЛОВ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

CLASSIFICATION AND THE PROBLEM OF PHONETIC ADAPTATION ARABIC WORDS IN TURKISH LANGUAGE

ФУРАТ Камил Мустафаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: furat.kamil@yandex.ru)

НАЗИРЛИ Мурада Гудрат кызы — ассистент кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: murada.nazirli@mail.ru)

FURAT Kamil Mustafaevich — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: furat.kamil@yandex.ru)

NAZIRLI Murada Kudrat kızı — Assistant of the Department of Oriental Language, MGGEU (e-mail: murada.nazirli@mail.ru)

Аннотация. Турки, начиная с VIII века, после периода исламизации, начали активно вводить арабские слова в турецкий язык. В последнем словаре турецкого языка, опубликованном Институтом турецкого языка (Общество турецкого языка¹), содержится больше шести тысяч слов арабского происхождения. Этот показатель выводит арабский язык на первое место среди источников заимствования слов в турецком языке. В статье анализируется частота использования арабских слов турецком языке и звуковые изменения в словах, происходившие с течением времени. По итогам анализа авторами составлена классификация.

Ключевые слова: турецкий язык, арабский язык, взаимодействие, изменения звуков.

Abstract. The Turks, since the VIII century, after their Islamization, began to actively enter Arabic words into the Turkish language. The latest Turkish language dictionary published by the Turkish Language Institute (Turkish Language Society) contains more than six thousand words of Arabic origin. This number puts Arabic in first place in the order of borrowing words in Turkish. In this article, the frequency of Arabic words used in Turkish and the sound changes in words over time have been mentioned and has been made classification.

Key words: Turkish, Arabic, interaction, sound changes.

Актуальность работы. В последние годы во многих регионах мира наблюдается большой интерес к изучению турецкого языка. В связи с возрастанием интереса иностранцев к турецкому языку выявляются и проблемы, возникающие при обучении турецкому языку. Самые распространенные из них связаны с изучением арабских слов, принятых в турецком языке и с их произношением.

¹ *Türk Dil Kurumu, TDK* — официальный регулятор современного литературного турецкого языка.

В исследовании впервые определены арабские заимствования и даны сведения о звуковых изменениях.

Таким образом, объектом исследования являются арабские заимствования, существующие в турецком языке, а задачей — классификация и отражение звуковых трансформаций арабских слов в турецком языке.

Арабский язык, который стал языком исламской цивилизации благодаря тому, что является языком Корана, вызывает большой интерес в регионах, где проживают представители турецкой нации, как и в регионах, где доминирует ислам. Широкое использование арабского языка нельзя объяснить исключительно религиозными причинами. Начиная с XIX века, арабский язык также является языком науки. Многие турецкие государства, которые построили свою систему образования полностью на арабском языке, придавали этому языку и арабскому образованию большее значение, чем многие арабские государства и мусульманские общины. В частности, почти все занятия в медресе ведутся на арабском языке, а преподаватели, работающие в этих медресе, получают высокую зарплату и пользуются большим уважением со стороны правительственных органов. В совокупности с этими обстоятельствами, тот факт, что арабский язык необходим для адекватного объяснения религиозного учения, не только позволяет арабскому языку на протяжении длительного периода сохранять свое высокое значение, но и оставляет глубокий след в турецком языке, оказывая на него большое влияние.

Еще одна причина проникновения арабского языка в турецкий — это урбанизация. Тюрки много лет вели кочевой образ жизни в степях Средней Азии. Когда они мигрировали на Запад из-за климатических изменений, им пришлось вести размеренную городскую жизнь. Со временем они адаптировались к жизни в арабоязычных районах, и, естественно, многие слова из арабского языка перешли в турецкий язык. Турецкая нация, которая попала под влияние западной цивилизации в XIX в., после этого периода заимствовала многие слова из западных языков, особенно из французского [2, с. 147].

Хотя множество слов вышло из обихода в связи с излишним упрощением языка, большая часть арабских слов остались в использовании и были приняты и усвоены турецким языком. При этом арабские слова, подвергнувшись порой небольшим, а порой существенным изменениям, приобрели в турецком языке новые формы и звучание. Теперь это полностью турецкие слова.

Арабские слова, как было отмечено, не всегда сохраняли свою первоначальную форму. Они утверждались в турецком языке в сочетании с суффиксами из турецкого, персидского, греческого и английского языков. Большинство этих слов сегодня не понятны для носителей арабского языка. Анализ позволяет проинвестировать их классификацию по степени трансформации:

— *полностью арабские слова*. Эти слова были заимствованы из арабского языка либо как есть, либо с незначительными звуковыми изменениями. Среди них есть сложные слова или словосочетания: abes (абсурд), abide (памятник), adet (штука), ahir (конечный), ahlak (нравственность), ahmak (дурак), akıl (ум), bakkal (продуктовый магазин), baytar (ветеринар), bela (беда), beraat (оправдание), besmele (прислуга), beyaz (белый), bina (здание), burç (башня), cadde (проспект), camî (мечеть), casus (шпион), cennet (рай), ceza (наказание), cumhuriyet (республика), daire (квартира), deha (гений), din (религия), dünya (мир), dua (молитва), esir (плённый), evvel (вначале), ezan (азан), faiz (процент), fikir (идея), fiil (действие), gam (грусть), gurur (гордость), haber (новость), halk (на-

род), hamur (тесто), haram (запрещенный), harf (буква), hata (ошибка), hatıra (воспоминание), hava (воздух), havari (апостол), havuz (бассейн), hayat (жизнь), haz (удовольствие), hesap (счет), heykel (статуя), his (чувство), ilaç (лекарство), kebar (жареное мясо), kılıf (чехол), kitap (книга), lisan (язык), melek (ангел), mesut (счастливый), pazar (взгляд), nifak (раздор), nokta (точка), nüfus (население), rahat (удобный), rahip (монах), resmi (официальный), saat (час), sabır (терпение) [3, с. 23, 24];

— слова, образованные из турецкого и арабского языков: başhekim — baş+hekim (главврач); başmüfettiş — baş+mufettiş (старший инспектор); başmühendis — baş+muhendis (главный инженер); erat — er+-āt (эпоха); gidişat — gidiş+-āt (события); mirasyedi — mirāa+yedi (наследник);

— слова, состоящие из арабского и турецкого языков: cumartesi (суббота), defnetmek (хоронить), defolmak (улизнуть), fethetmek (завоевать), hâliyle (как есть), hâsılı (короче говоря), hazmetmek (переваривать), hazzetmek (нравиться), hicveylemek (высмеивать), hüsnükuruntu (выдумки), kahvaltı (завтрак), kalabalık (толпа), keyfetmek (развлекаться), meslektaş (коллега), sanatçı (художник);

— слова, состоящие из арабского и персидского языков; большое количество слов в турецком языке, особенно сложные слова, входят в эту группу: belki (может быть), beyanname (заявление), cefakâr (страдалец), cüretkâr (несдержанный), cüzdan (бумажник), dâhiyane (гениально), darphane (монетный двор), defterdar (заведующий финансовой частью), dershane (аудитория), dindar (верующий), duahan (молящийся), eczane (аптека), esrarengiz (таинственный), esrarkeş (таинственный), fakirhane (дом призрения), fedakâr (самоотверженный), felaketzede (потерпевший), ferahnak (успокоиться), gariban (бедняга), gulyabanî (злой дух), haberdar (осведомленный), hapishane (тюрьма), hatırşinas (оказывающий уважение), hayalperest (мечтатель), hayırperver (благодетель), hazinedar (казначей) [1, с. 216];

— слова, состоящие из персидского и арабского языков: beddua (проклятие), bertaraf (отложенный в сторону), bîhaber (пребывающий), bîtaraf (нейтральный), çardak (навес), çarkifelek (страстоцвет), derhâl (немедленно), divaniharp (военный трибунал), hemcins (однородный), hemfikir (единодушный), hırdavat (скобяные изделия), hoşsohbet (приятный собеседник), narenciye (цитрус), peşinat (аванс), turuncu (оранжевый);

— слова, состоящие из французского и арабского языков: biokütle (биомасса), biyokimya (биохимия), elastikî (эластичный), elastikiyet (упругость; эластичность), elektrokimya (электрохимия), fizikî (физический) [6, с. 45].

Трансформации, происходившие с заимствованными словами, также можно классифицировать:

— замена буквы *a* на букву *e* (*a* > *e*): fitre (милостыня) < fitra, hela (туалет) < halâ; helal (дозволенный) < halâl; hendek (канавка) < handek; kalleş (обманщик) < kallâş; keten (лён) < kettân; lehim (припой) < lahm; seda (звук) < sadâ;

— замена буквы *e* на букву *a* (*e* > *a*): acaba (интересно) < acebâ; adam (человек) < âdem; farfara (шумливый) < ferfere; haşarat (насекомые) < haşerât; havaî (ветреница) < hevâ'î; kurna (курна — небольшое углубление под краном в бане) < kırne; mağara (пещера) < mağâre; maharet (мастерство) < mehâret; masal (сказка) < meâl; maumun (обезьяна) < meymûn; sofra (обеденный стол) < sufre; surat (физиономия) < şûret; şamata(шум) < şemâte; şarap (вино) < şerâb;

— замена буквы *u* на букву *a* (*i* > *a*): kandil (светильник) < kindil; kantar (весы) < kintâr; mahmuz (шпора) < mihmâz; makas (ножницы) < miķaş; mas-

tar (отглагольное имя) < mistār; matara (фляга) < miṭhare; matkap (дрель) < miāḳab [5, с. 218];

— замена буквы *и* на букву *е* (*i* > *e*): feda (искупительная жертва) < fidā; fedaī (беззаветно преданный) < fidā'ī; hece (слог) < hicā'; hesap(счѐт) < hisāb; seyahat (путешествие) < siyāḥat;

— замена буквы *и* на букву *ы* (*i* > *y*): fikra(анекдот) < fīkra; fırka (партия) < fīrka; gıda (продукты) < ġidā; ġiybet (осуждение) < ġiybet; hınzır (свинья) < ĥinzir; hırka (бешмет) < ĥırka; ısrar (упорство) < işrār; kırmızı (красный) < kırmızı; kıyafet (одежда) < kıyāfet; kıyas (сравнение) < kıyās; kıymet (ценность) < kıymet; mantık (логика) < manṭıq; mıknatıs (магнит) < miḳnātis; sadık (преданный) < sādık; sıfat (прилагательное) < şıfat; sıfır (нуль) < şifr; sıhhat (здоровье) < şihḥat; şarkı (песня) < şarkī;

— замена буквы *у* на букву *о* (*u* > *o*): bornoz (халат) < burnūs; dolap (шкаф) < dūlāb; hokka (чернильница) < ĥukḳa; lokma(кусочек) < lukme; nokta (точка) < nuḳta; sofrā (обеденный стол) < sufre; sohbet (дружеская беседа) < şuhbet; tomar (свиток) < tūmār;

— замена буквы *у* на букву *ю* (*u* > *ü*): bünye (строение) < bunye; cümle (предложение) < cumle; dükkân (киоск) < dukkān; dünya (земля) < dunyā; eylül (сентябрь) < eylül; hücre (ячейка) < ĥucce; hücum (наступление) < ĥucūm; künye (анкетные данные) < kunye; lügat (слово) < luġat; müsteşar (советник) < musteşār; nükte (остроумное выражение) < nukte; rütbe (звание) < rutbe; sünnet (обрезание) < sunnet; vücut (тело) < vucūd; zümre (группа) < zumre;

— замена буквы *б* на букву *п* (*b* > *p*): akrep (скорпион) < 'akreb; ahşar (деревянный) < aḥşāb; cephe (фронт) < cebhe; cevap (ответ) < cevāb; harp (война) < ĥarb; hatip (проповедник) < ĥatīb; hicap (стыд) < ĥicāb; kayıp (потеря) < ġayb; kebar (жареное мясо) < kebāb; kitap (книга) < kitāb; lakap (клічка) < laḳab; mağlup (поверженный) < maġlūb; mahcup (застенчивый) < maḥcūb; mektep (школа) < mekteb; mektup (письмо) < mektūb; mensup (относящийся) < mensūb; parağan (попугай) < babaġa; sahip (владелец) < şāḥib; sebep (повод) < sebeb; şüphe (сомнение) < şubhe; tabip (врач) < tabīb; tahrip (разрушение) < taḥrib; takip (преследование) < ta'ḳīb;

— замена буквы *дж* на букву *ч* (*c* > *ç*): burç (башня) < burc; felç (паралич) < felc; haraç (дань) < ĥarāc; harç (трата) < ĥarc; hariç (внешний) < ĥāric; içtimai (общественный) < içtimā'ī; ihraç (импортный) < iḥrāc; ihtiyaç (нужда) < ihtiyāc; meçhul (неизвестный) < mechūl; teçhizat(снаряжение) < techizāt;

— замена буквы *д* на букву *т* (*d* > *t*): barut (порох) < bārūd; ceset (труп) < cesed; cetvel (линейка) < cedvel; cilt (том) < cild; ecdat (предок) < ecdād; evlat (дитя) < evlād; fesat (расстройство) < fesād; hasat (урожай) < ḥasād; haset (зависть) < ḥased; haydut (разбойник) < ḥaydūd; hudut (граница) < ḥudūd; icat (изобретение) < icād; mabet (святилище) < ma'bed; mescit (мечеть) < mescid; metfun (увлеченный) < medfūn; miktar (количество) < miḳdār; mucit (изобретатель) < mūcid; taklit (подделка) < taḳlid; vaat (обещание) < va'd [4, с. 347].

Отдельную группу составляют слова (заимствованные из арабского), которые не претерпели изменения звука. Среди большого количества слов арабского происхождения, широко используемых в турецком языке, в частности, есть слова, содержащие только гласную букву *е*, которая не была изменена. Например, такие как bedel, defter, mehrem. Большинство слов с долгими гласными, которые широко используются в арабском языке, в письменной речи в турецком языке не отражены, но они сохраняют свое существование в устной речи. Таким образом, некоторые слова, претерпевшие звуковую трансформацию, оценивают-

ся как слова, не претерпевшие изменений, поскольку они хоть и присутствуют в турецком языке, не представлены в его письменной форме. Слова со звуками *h, ħ, ħ, s, ş, â, z, z, ž, z, t, t, k, k*, которые в турецком языке передаются одним звуком, также входят в эту группу.

В заключение следует сказать, что арабский язык с распространением ислама в других географических регионах Аравии, также начал распространяться в этих географических регионах. Значение религии в турецкой жизни сыграло очень важную роль в принятии ислама в географических регионах проживания представителей турецкой нации. Турецкая нация, столкнувшись с арабоязычной культурой и цивилизацией, стала использовать арабский язык и произведения арабской письменности для укрепления своих религиозных мировоззрений и исполнения религиозных заповедей. Хотя арабский и турецкий языки принадлежат к разным языковым семьям, они стали взаимно проникать друг в друга. В дальнейшем влияние арабского языка на турецкий усиливалось. Хотя время от времени предпринимались попытки остановить эту тенденцию, осуществить это было очень сложно, поскольку не просто удалить слова, ставшие частью языка и культуры в целом. Арабский язык, влияние которого постепенно ослабевало в связи с началом движения за вестернизацию, а затем в связи с действиями, которые можно рассматривать как языковую реформу, особенно с созданием Турецкой Республики, стал очень важным источником обогащения турецкого языка. Хотя арабский язык не всегда способствовал развитию и расширению турецкого языка, его следует принять как результат исторического культурного взаимодействия.

Не важно, откуда пришло слово в турецкий язык. Если оно легко и естественно входит в обиход, то независимо от происхождения становится частью турецкого языка. Поэтому заимствованные слова являются одним из важнейших богатств турецкого языка. В живой языковой системе они обретают новое звучание, новую гармонию, становятся основой для формирования новых слов. Исследование показывает, что тюркизация слов сама по себе является большим языковым событием. Именно так язык принимает слово, заимствованное из другого языка, по своему образу и форме. Это происходит в результате важных звуковых событий. При этом язык должен быть гибким, открытым для изменений и развития. В этом отношении турецкий язык является языком, дверь которого открыта для этих богатств.

Список литературы

1. Develioğlu Ferit, *Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lûgat*, Aydın Kitapevi Yayınları. — Ankara, 2000. — S. 934.
2. Dursunoğlu Halit, *Türkiye Türkçesindeki Arapça Sözcükler Ve Bu Sözcüklerdeki Ses Olayları*. — *Turkish Studies*, İstanbul, 2014/9. — S. 145–155.
3. Ermiş Hamza, *Arapça'dan Türkçeleşmiş Kelimeler Sözlüğü*, Ensar Neşriyat. — İstanbul, 2008. — S. 797.
4. Kardaş Nevin: *Örnekleriyle Türkçe Sözlük*, Milli Eğitim Bakanlığı Yayınları. — İstanbul, 2017. — S. 884.
5. Püsküllüoğlu Ali, *Türkçedeki Yabancı Sözcükler Sözlüğü*, Arkadaş Yayınları. — Ankara, 2004. — S. 499.
6. 6. Sarı Mustafa, *Türkçenin Batı Dilleriyle İlişkisi*, Türk Dil Kurumu Yayınları. — Ankara, 2004. — S. 294.

Р.Т. Мехдиев, А.Т. Табуничиков

ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В ОБЛАСТИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

PROBLEMS OF ACCEPTANCE OF INHERITANCE AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF INHERITANCE LAW

МЕХДИЕВ Рамиз Талыб оглы — магистрант, «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (e-mail: ramiz1998roma1990@mail.ru)

Табуничиков Андрей Тихонович — доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса НИУ «БелГУ»

MEHDIEV Ramiz Talib oglu — master's student, «Belgorod state national research university» (e-mail: ramiz1998roma1990@mail.ru)

TABUNSHCHIKOV Andrei Tikhonovich — associate professor, candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil law and procedure, NRU «BelGU»

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемные вопросы принятия наследства на современном этапе развития российского наследственного права. Акцентируется внимание на основаниях и порядке установления факта фактического принятия наследства, на проблемах и недочетах законодательства и судебной практики в данном направлении. Делаются предложения по дальнейшему совершенствованию судебной практики и законодательства в данном направлении.

Ключевые слова: наследство, наследодатель, наследник, принятие наследства, фактическое принятие наследства, доверенное лицо, отказ от принятия наследства.

Abstract. This article examines the problematic issues of inheritance acceptance at the present stage of development of Russian inheritance law. Attention is focused on the grounds and procedure for establishing the fact of the actual acceptance of the inheritance, on the problems and shortcomings of legislation and judicial practice in this direction. Suggestions are made for further improvement of judicial practice and legislation in this direction.

Keywords: inheritance, testator, heir, acceptance of inheritance, actual acceptance of inheritance, trustee, refusal to accept inheritance.

Отечественное наследственное право имеет давние традиции правового регулирования, и многие его институты являются устоявшимися, применяемыми

на протяжении многих лет и даже десятилетий с незначительными корректировками. Не является исключением и вопросы принятия наследства. В пользу данного утверждения свидетельствует то обстоятельство, что с момента введения в действия третьей части ГК РФ в нормы регулирующие вопросы принятия наследства (статьи 1152-1156 ГК РФ [1]) единожды в 2013 году были внесены изменения технического характера. Кроме того, уже более девяти лет действуют руководящие разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам единого понимания и правильного применения судами норм наследственного права.

Вместе с тем, указанные обстоятельства не свидетельствуют об отсутствии проблем в данной сфере. В частности, речь идет о способах принятия наследства; об установлении презумпции фактического принятия наследства; о способах фактического принятия наследства, сложностях с их доказыванием; об оценке действий, которые свидетельствуют о фактическом принятии наследства, однако не были совершены с такой целью; о предоставлении такому лицу возможности подачи заявления о непринятии наследства во внесудебном порядке; о доказывании отсутствия намерения принять наследство в судебном порядке и т.п.

В рамках настоящего исследования, обратим пристальное внимание на проблему фактического принятия наследства. Отметим, что этой проблеме и способам совершенствования законодательства и судебной практики в данном направлении уделяется постоянно внимание ученых [2], [3], [4], [6].

Для фактического принятия наследства необходимо совершение определенных действий, которые об этом свидетельствуют (то есть активного целенаправленного поведения). Закон определяет перечень действий, которые свидетельствуют о фактическом принятии наследства, которые перечислены в ч. 2 ст. 1153 ГК РФ. К таким действиям относятся следующие:

- вступление во владение или в управление наследственным имуществом;
- принятие мер по сохранению наследственного имущества, защита его от посягательств или притязаний третьих лиц;
- произведение за свой счет расходов на содержание наследственного имущества;
- оплата за свой счет долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитавшиеся наследодателю денежных средств.

Иными словами, все данные действия подтверждают то, что лицо фактически приняло в порядке универсального правопреемства наследственное имущество, «позиционирует» себя в отношениях с третьими лицами как правопреемник наследодателя и осуществляет соответствующие действия, частично реализуя правомочия законного владельца данного имущества.

Однако, в правоприменительной практике возникает множество неясностей и спорных ситуаций, связанных с подтверждением фактического принятия наследства. В связи с чем, вопросам правильного толкования норм о принятии наследства и их единообразному применению уделяется предметное внимание в п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», согласно которого действия, направленные на принятие наследства этого действия, согласно «в которых проявляется отношение наследника к наследству как к собственному имуществу» [5]. При этом, Пленум ВС РФ в указанном постановлении конкретизирует отдельные действия, направленные на фактическое принятие наследства в варианте несколько отличным от буквального содержания приведенных выше законодательных по-

ложений. В частности это вселение в жилое помещение, которое принадлежало наследодателю, либо проживание в нем на момент открытия наследства, вне зависимости от факта регистрации по данному месту жительства, иное пользование имуществом наследодателя (в т.ч. обработка его земельного участка), факт обращения в суд с заявлением о защите своих наследственных прав, обращение с требованием о проведении описи имущества наследодателя, выполнение обязанностей собственника и законного владельца наследственного имущества в части несения расходов на его содержание (например, оплата налогов, коммунальных услуг), а также другие действия, направленные на владение, пользование и распоряжение имуществом, входящим в состав наследства.

Важным аспектом также является позиция Пленума ВС РФ о том, что такие действия могут быть совершены как лично наследником, так и другими лицами по его поручению [5].

В отношении последнего подхода, отметим, что, безусловно, институт представительства интересов и возможности, которые он предоставляет участникам гражданских правоотношений, может быть применен и для целей принятия наследства. Однако положения ГК РФ предписывают необходимость оформления письменной доверенности удостоверенной в нотариальной форме. В связи с этим, вопрос о возможности признания действий, направленных на принятие наследства через представителя без оформления надлежащим образом заверенной письменной доверенности, является открытым. Представляется, что такие действия также должны признаваться судами в качестве надлежащих действий, направленных на фактическое принятие наследства. Например, находясь на значительном расстоянии от места открытия наследства, наследник может попросить своих знакомых или родственников, оплатить коммунальные услуги, вынести из жилого помещения, входящего в наследственную массу, «старые» вещи, произвести ремонт, сдать квартиру в наем и т.п. При этом оформление письменной нотариальной удостоверенной доверенности, учитывая значительные расстояния или прочие трудности формального характера (например, пребывание в другом государстве и необходимость преодоления значительных трудностей, связанных с приемом в посольстве или консульстве Российской Федерации — расстояния, очереди, карантины и другие временные ограничения и т.п.), не может иметь практического смысла. Кроме того, возможность приема у нотариуса уже подразумевает под собой возможность подачи заявления о принятии наследства, что фактически нивелирует юридическое значение действий, направленных на принятие наследства.

Таким образом, представляется, что судебная практика должна исходить из того, что действия, направленные на фактическое принятие наследства, могут быть совершены представителями наследника по его просьбе не только на основе письменной доверенности, но и на основании устной договоренности о совершении таких действий. Кроме того, в будущем, при установлении факта принятия наследства в судебном порядке, доверенное лицо может выступить в качестве свидетеля по обстоятельствам дела и подтвердить фактическое принятие наследства. С учетом изложенного, аналогичным образом суды должны подходить и к оценке письменных доказательств принятия наследства, например, квитанции об оплате коммунальных услуг, выданные на имя лица фактически осуществляющего такой платеж по устной просьбе наследника также при наличии подтверждающих данное обстоятельство показаний, которые могут быть признаны надлежащими доказательствами.

Отдельно необходимо рассмотреть те случаи (действия), которые, согласно позиции Пленума ВС РФ, изложенной в обозначенном постановлении, не свидетельствуют о принятии наследства. В частности, указывается, что «наличие совместного с наследодателем права общей собственности на имущество, доля в праве на которое входит в состав наследства, само по себе не свидетельствует о фактическом принятии наследства» [5]. Обращают на себя внимание особенности процитированной формулировки. Ее буквальное восприятие позволяет утверждать то, что лицо, претендующее на установление факта фактического принятия наследства имеет с ним общую долевую собственность, все-таки может пользоваться судами, однако наряду с другими доказательствами, свидетельствующими о фактическом принятии наследства. Кроме того, в таком случае возникают проблемы оценки действий, связанных с заботой о совместном имуществе, поскольку в буквальном смысле возникает необходимость разграничения действий, направленных на заботу о своей части имущества и на заботу о той части имущества, которая входит в наследственную массу. С практической точки зрения, речь идет о тех же коммунальных платежах. Зачастую, совместные собственники недвижимого имущества оплачивают коммунальные услуги не по отдельности, а совместно (по устной или письменной договоренности такие платежи, например, осуществляет один человек). В связи с этим, судам при рассмотрении дел в таких случаях необходимо тщательно устанавливать какие именно действия наследника, обладающего совместной собственностью с наследодателем, были направлены на заботу об имуществе, входящем в наследственную массу.

Совершение действия перечисленных в ч. 2 ст. 1153 ГК РФ, которые заключаются в фактическом принятии наследства, само по себе не означает, что наследство было принято. Для этого необходимо обращение в суд с соответствующим заявлением (в порядке искового или особого производства). При этом, в соответствии с п. 37 Постановления Пленума ВС РФ, допускается ситуация, когда наследник совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, однако без цели принятия наследства. При этом указывается о возможности обращения в суд с заявлением об установлении такого факта, либо о возможности предоставления нотариусу «соответствующих доказательств» [5]. Отметим, что данная позиция Пленума ВС РФ не согласуется с установленными правилами осуществления нотариальных действий. Однако, урегулирования возможности установления «факта непринятия наследства» во внесудебном порядке, является одним из направлений дальнейшего совершенствования законодательства в данном направлении.

Например, уплата долгов наследодателя может быть связана с существованием соответствующей договоренности между наследодателем и лицом, уплатившим долг, еще при жизни. Наследодатель мог приобрести для такого лица определенное имущество, взяв на себя кредитное обязательство. В таком случае, действительные наследственные отношения будут отсутствовать. Аналогичным образом, само по себе, проживание вместе с наследодателем на момент его смерти, не свидетельствует о том, что действия лица были направлены на принятие наследства.

Таким образом, исходя из анализа законодательных положений и позиций Пленума ВС РФ, изложенных в Постановлении № 9, представляется возможным утверждать о том, что лицо, совершающее действия, направленные на фактическое принятие наследства, должно преследовать соответствующую цель —

вступить в наследственные права (унаследовать имущество). В связи с этим, к предмету доказывания по соответствующим категориям судебных споров, кроме, собственно совершения действий, свидетельствующих о принятии наследства, должно относиться и доказывания цели, с которой такие действия были совершены.

Список литературы

1. 1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Зорькина А.Ю., Николенко А.А., Матияшук С.В. Проблемы доказывания фактического принятия наследства // Научные исследования и инновации. — 2021. — № 3. — С. 175–179.
3. Коновалова А.И., Захаров А.В. Правовые проблемы принятия и отказа от наследства в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №3-1. — С. 156–158.
4. Масалимова А.А. Проблемы принятия наследства в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 11-4. — С. 46–48.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. от 24 декабря 2020 г. № 45) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 7.
6. Татаренко М.Б. Проблемы вступления в наследство по истечении срока, установленного законодательством Российской Федерации // Государственная служба и кадры. — 2020. — №4. — С. 235–236.

АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Е.В. Морозова

ИГРА В БОЧЧЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

PLAYING BOCCE AS A FACTOR OF SOCIALIZATION OF STUDENTS IN CLASSES ON ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE

МОРОЗОВА Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (morozova@mggeu.ru)

MOROZOVA Ekaterina Viktorovna — Candidate of Sociology, Assistant Professor of Department Adaptive Physical Culture, MGGEU (morozova@mggeu.ru)

Аннотация. Статья раскрывает сущность адаптивной физической культуры, достаточно нового направления общей физической культуры, находящегося на стыке медицины, физической культуры и коррекционной педагогики и направленного на адаптацию и реабилитацию студентов с ограниченными возможностями. Рассматривается один из наиболее распространенных видов занятий по адаптивной физической культуре — игра в бочче, которая используется в процессе реабилитации людей с поражениями опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, молодежь, физическое здоровье, физическое воспитание, педагогическое образование, бочче.

Abstract. The article reveals the essence of adaptive physical culture, a fairly new direction of general physical culture, located at the junction of medicine, physical culture and correctional pedagogy and aimed at the adaptation and rehabilitation of students with disabilities. One of the most common types of adaptive physical culture classes is considered - the game of bocce, which is used in the process of rehabilitation of people with musculoskeletal system lesions.

Keywords: adaptive physical culture, youth, physical health, physical education, pedagogical education, boccia.

В настоящее время прослеживается тенденция к постоянному ухудшению физического здоровья молодежи. В связи с этим все более актуальным становится приобщение молодежи, и, в частности, студентов высших учебных заведений, к занятиям спортом и физической культурой. Можно сказать, что приобщение молодежи к спорту является проблемой национального масштаба.

Чрезвычайно важным в этом контексте элементом образовательного процесса является адаптивная физическая культура. Многие специалисты рассматривают занятия АФК как органичную часть общего процесса воспитания личности. В адаптивную физическую культуру входит четыре основных компонента:

- адаптивное физическое воспитание;
- адаптивный спорт;
- адаптивная двигательная рекреация;

— адаптивная физическая реабилитация.

Цель адаптивной физической культуры с точки зрения социально-педагогического воздействия — укрепление физического здоровья человека, гармоничное развитие функций человеческого организма, его физических способностей, а также совершенствование двигательных умений и навыков, необходимых в социальной и бытовой жизни каждого человека.

Молодежный возраст, в частности период студенчества, является важным этапом в формировании физического здоровья и выносливости организма. В настоящее время требования ФГОС уделяют физическому здоровью учащихся не меньше внимания, чем другим аспектам. В связи с этим, можно выделить несколько основных особенностей адаптивной физической культуры:

- обеспечивает двигательную активность студента, что позволяет не только поддерживать хорошую физическую форму и здоровье, но и оказывает положительное воздействие на умственную деятельность и успешность учебного процесса в целом;
- физическая культура помогает учащемуся сохранять хорошее здоровье и физическую форму, поддерживать здоровый образ и качество жизни;
- физическая активность оказывает положительное воздействие на становление моральных ценностей, личностное становление человека, формирование правильной социальной позиции.

Данные задачи в совокупности с другими важными особенностями адаптивной физической культуры позволяют осуществлять более глобальную цель — социализация учащихся с ограниченными возможностями здоровья.

Социализация — это процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

Адаптивная физическая культура способна оказывать самое серьезное воздействие на личность, как физические ее аспекты, так и психологические. Занятия физической культурой влияют на процесс формирования личности, так как молодой человек усваивает новые ценности, нормы и правила поведения. Вовлеченность в спортивные занятия и соревнования напрямую связана с социальной адаптацией.

Этому способствует тот факт, что человек приобретает личный опыт взаимодействия с другими, коммуникации и социальной жизни в целом, развивает способность преодолевать как физические, так и психологические препятствия, становится готовым к выполнению физических нагрузок, сопровождающих полноценную социальную жизнь, получает стимул для поддержания здорового образа жизни, развивает компенсаторные навыки, а также готовность участвовать в жизни общества и вносить в нее свой вклад, испытывает более глубокую потребность в самореализации.

Таким образом, адаптивная физическая культура представляет собой деятельность, направленную не только на коррекцию физических и психических нарушений студентов, но и на формирование и преобразование личности: развитие новых привычек, способностей, мотивов, интересов, а вслед за этим — и на интеграцию в социум.

Адаптивная физическая культура — понятие достаточно новое. Оно относится к методам реабилитации студентов с ограниченными возможностями. Этот вид физической деятельности разработан специально для граждан, имеющих нарушения физического и психического здоровья.

Основная цель адаптивной физической культуры — стимулирование позитивных морфофункциональных реакций человеческого организма, а также формирование и развитие необходимых двигательных навыков, опыта, координаций, способностей и физических качеств. Также необходимо отметить тот факт, что с помощью физической культуры производится развитие и восстановление психических и физических способностей, предупреждение возникновения вторичных проблем и отклонений в здоровье человека. Такими отклонениями принято считать различные нарушения личностной и эмоционально-волевой сферы, а также познавательной деятельности человека.

Как правило, на занятиях адаптивной физической культурой решаются несколько задач в жизни человека с ограниченными физическими возможностями:

- повышение трудоспособности человека;
- снижение влияния и последствий эмоциональных и нервных перегрузок, избыточного нерационального рациона, гипокинезии;
- повышение мышечной активности;
- стимулирование и укрепление естественного иммунитета человека;
- отвлечение человека от негативного и утомляющего воздействия окружающей среды;
- становление волевых качеств, моральных ценностей, патриотизма и коллективизма, умения преодолевать различные препятствия;
- профилактика расстройств нервно-психического характера, а также других заболеваний и многое другое.

Адаптивная физическая культура на базе высшего учебного заведения может проводиться в следующих формах:

- самостоятельные занятия спортом в спортивных клубах или на факультетах;
- учебные занятия как обязательная форма физического воспитания студента.

Несмотря на многочисленные положительные факторы при внедрении адаптивной физической культуры в жизнь студента, первоочередным фактором должна выступать готовность самого студента к рассматриваемой деятельности. Сюда можно отнести мотивационный, контрольный и технологический компоненты, а также педагогическое стимулирование и различные методы диагностики.

В настоящее время одним из основных видов физической активности для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, пользующимся популярностью и способным легко заинтересовать учащихся, является игра в бочче.

Эта игра из разряда игр с мячом, которая возникла еще в Древней Греции и была популярна как среди взрослых, так и среди детей. Она развивает активность, мышечный тонус, физическое развитие, ловкость, концентрацию и выносливость. Бочче входит в перечень паралимпийских видов спорта.

В своем нынешнем виде бочче — это игра с набором мячей из шести синего, шести красного и одного белого или желтого цвета. Существует достаточно много разновидностей данной игры. Нужно отметить, что в разных странах правила данной игры, а иногда и название игры могут различаться. Именно поэтому в официальных источниках можно встретить разные названия, как бочча, так и бочче.

Суть игры бочче заключается в следующем: участники стараются максимально приблизить мячи цвета своей команды к белому мячу, который назы-

вается Джеком. Для игры используется площадка размером 2,5 м на 6 м и комплект мячей со строгими параметрами: вес мяча 275 грамм, окружность 270 мм. Стоит заметить, что в большинстве интернет-ресурсов указывается именно окружность, а не диаметр.

Как отмечалось выше, игра в бочче является очень популярным видом спорта, в том числе среди инвалидов. В последнее время на неофициальных соревнованиях по бочче принимают участие в том числе люди с ослабленным зрением и люди с полным отсутствием зрения. Игра в бочче для слепых людей стала возможной, в основном, благодаря разработке компании «Handi Life

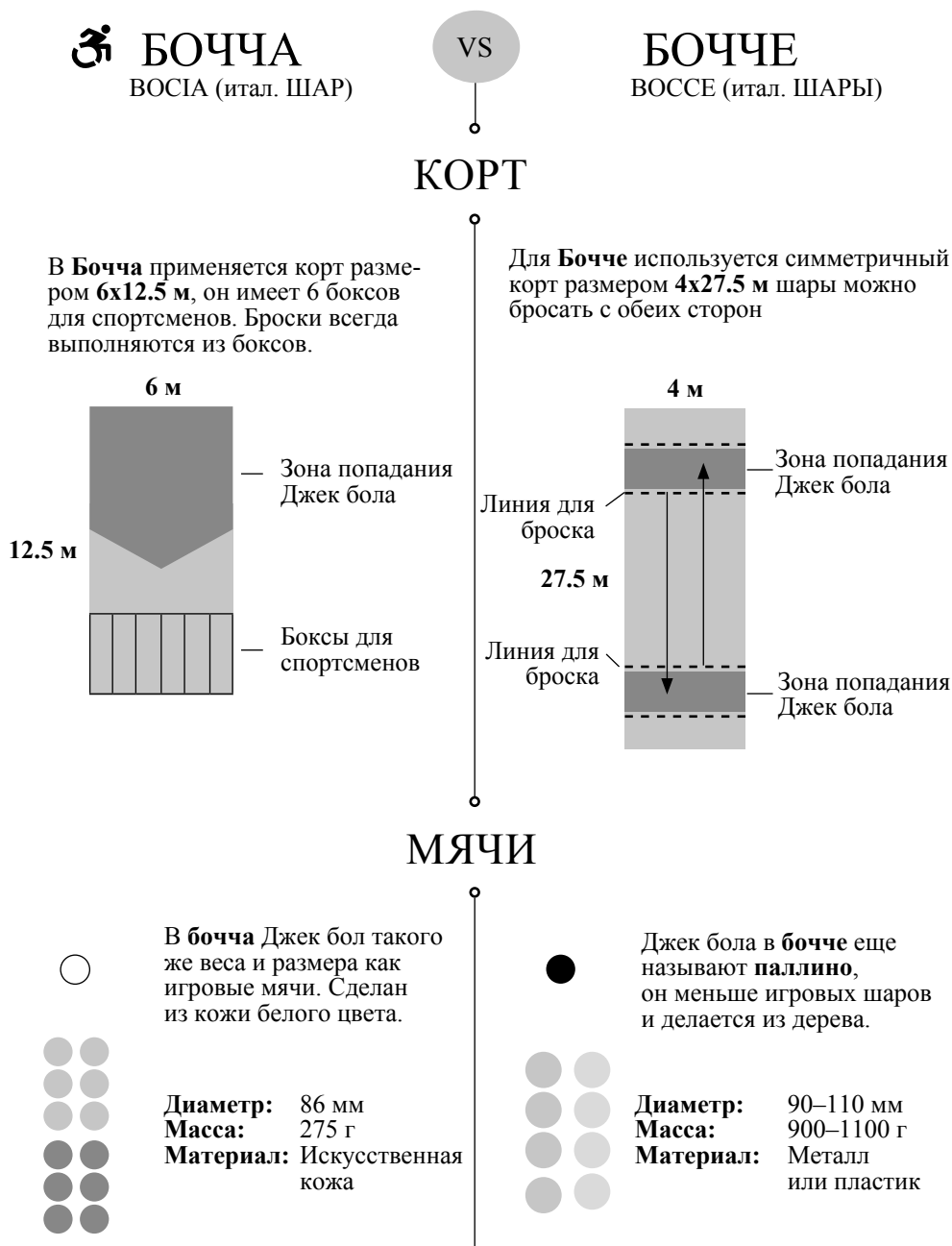

Рис. 1. Некоторые различия бочча и бочче

Sport» из Дании. Данный производитель является одним из наиболее известных во всем мире производителя мячей и аксессуаров для игры в бочче. Датчане предложили использовать для незрячих игроков специальную тактильную решетку, на которой можно тактильно ощупать и понять расположение мячей на поле. Игроки и мячи на поле обозначаются специальными штифтами разного размера и формы.

Благодаря игре в бочче учащиеся обретают новые личные достижения, развиваются, повышают уверенность в себе и избавляются от ощущения неполноценности. Помимо очевидного значения для физического и психического здоровья, бочча, как паралимпийский вид спорта обладает великолепным карьерным потенциалом для тех, кто решил заниматься профессионально. В настоящее время более 60 стран имеют свои национальные команды. В России создана Федерация бочча, которая занимается развитием данного вида спорта на национальном уровне. Несмотря на это существуют определенные проблемы, главной из которых является недостаточное финансирование и, соответственно, малое количество центров подготовки.

Зоны игрового поля

- 1: Центральный прямоугольник
 - 2: Вона для вбрасывания паллино
 - 3: Дополнительный прямоугольник
 - 4: Задняя часть поля бортик высотой мин. 20 см
- 2+3: игровая зона направление игры
2+3+4: 7,5 м. прямоугольник или зона для разбега при броске

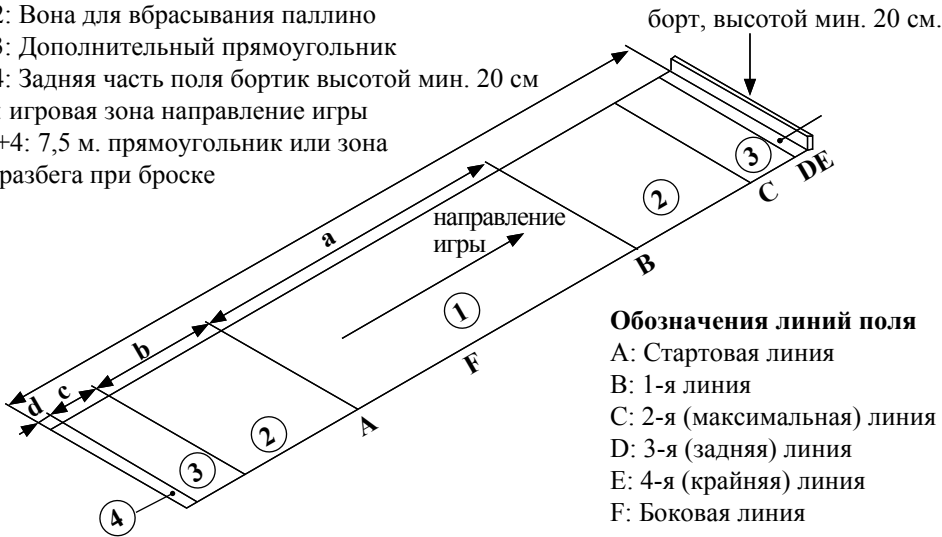

Рис. 2. Схема игры в бочче

Поскольку молодым людям, имеющим какие-либо ограничения физического здоровья необходимо развивать свою физическую активность, повышать тонус, нужно использовать любую возможность для вовлечения их в занятия адаптивной физической культурой. Одну из таких возможностей предоставляет игра в бочче. Игра способствует укреплению морального духа и психического здоровья, развивает способность противостоять неблагоприятным условиям жизни, обогащает ее новым наполнением, смыслами, чувствами и переживаниями. Вовлеченность в игру способно серьезно повлиять на мотивационную сферу человека, вызывать стремление к совершенствованию, развитию своей работоспособности (умственной и физической), готовность преодолевать препятствия. Преимущество игры также в том, что она без особого труда позволяет освоить новый подход к жизни, включающий общение, развлечение, активный отдых.

Будучи командной игрой, бочче способствует развитию коммуникативных навыков, восстановлению утраченных контактов с окружающим миром, способностей к коллективному взаимодействию, воспитанию чувства коллективизма, то есть тех качеств, которые является частью и условиями успешного процесса социализации.

Список литературы

1. *Григорьев А.Ю.* Формирование двигательной компетенции студентов в процессе физического воспитания в вузе // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. — 2014. — № 1. — С. 29–38.
2. *Кондратьев В.В.* Модель формирования положительного отношения студентов педагогического вуза к физической культуре // Вестник ТГПУ. — 2012. — № 11 (126). — С. 137–141.
3. *Пономарева К.А.* Физическая культура студентов: дефинитивная характеристика, научно-методическая система формирования в условиях педагогического вуза. Педагогика: традиции и инновации: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. — С. 178–180.
4. *Стриханов М.Н., Савенков В.И.* Физическая культура и спорт в вузах: учебное пособие. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2017.
5. *Черепов Е.А., Ненашева А.В.* Современное состояние системы физического воспитания в России: основные проблемы и пути совершенствования // Человек. Спорт. Медицина. — 2014. — № 3. — С. 5–18.
6. Бочча (Бочче, Boccia) — подвижная игра с мячами для инвалидов. — Текст: электронный. — URL: <http://www.trosti.com.ua/boccia/> (дата обращения: 14.01.2022).
7. Бочче. Правила игры. — Текст: электронный // Реабилитация инвалидов: [сайт]. — URL: <https://reabilit.samregion.ru/biblioteka/bochche-pravila-igry> (дата обращения: 14.01.2022).
8. Как играть в бочче. — Текст: электронный. wikiHow сделать что-нибудь: [сайт]. — URL: <https://ru.wikihow.com/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%B2-%D0%B1%D0%BE%D1%87%D1%87%D0%B5> (дата обращения: 14.01.2022).

А.Н. Довнар, А.П. Червинская

РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOURCE OF LAW

ДОВНАР Алексей Николаевич — студент I курса магистратуры факультета юриспруденции ФГБОУ ИВО Московский государственный гуманитарно-экономический университет (e-mail: dovnar.mggeu@mail.ru)

ЧЕРВИНСКАЯ Александра Павловна — кандидат юридических наук, проректор по общим вопросам и социальной работе ФГБОУ ИВО Московский государственный гуманитарно-экономический университет (e-mail: sasha.m-87@mail.ru)

DOVNAR Alexey Nikolaevich — 1st year master's student of the faculty of law, federal state educational institution of higher professional education moscow state university of humanities and economics (e-mail: dovnar.mggeu@mail.ru)

CHERVINSKAYA Aleksandra Pavlovna — PhD in Law, Vice-Rector for General Affairs and Social Work Federal State Educational Institution of Higher Professional Education Moscow State University of Humanities and Economics (e-mail: sasha.m-87@mail.ru)

Аннотация. С момента создания Конституционного Суда Российской Федерации и до сегодняшнего дня в науке конституционного права не утихает дискуссия о правовой природе актов органа конституционного нормоконтроля. Авторами производится анализ мнений ученых-конституционалистов по предмету заявленного исследования, в выводе обозначается собственная позиция исследователей.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, решения Конституционного Суда РФ, источники права, конституционное судопроизводства, нормотворчество

Abstract. From the moment of the creation of the Constitutional Court of the Russian Federation to the present day in the science of constitutional law, the discussion about the legal nature of the acts of the body of constitutional normative control has not ceased. The authors analyze the opinions of constitutional scientists on the subject of the declared research, the conclusion indicates the own position of the researchers.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, sources of law, constitutional legal proceedings, rulemaking

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции

Российской Федерации) [1]. Конституционное судопроизводство в масштабах страны сегодня осуществляет Конституционный Суд Российской Федерации, а в масштабах субъекта Федерации его ведут конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации¹.

Итоговой правовой формой деятельности федерального органа, наделенного полномочиями по осуществлению конституционного судопроизводства, является принятие соответствующих решений, подразделяющихся на:

- 1) постановления — итоговые решения Конституционного Суда Российской Федерации по существу любого из вопросов, перечисленных в пунктах 1, 2, 3, 3.1, 3.2, 3.3, 4, 5.1 и 5.2 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1 ФКЗ-1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»);
- 2) заключение — итоговое решение Конституционного Суда Российской Федерации по существу запроса о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации или Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности, либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления;
- 3) определения — иные решения Конституционного Суда Российской Федерации, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства [2].

В заседаниях Конституционного Суда Российской Федерации могут приниматься также решения по вопросам организации его деятельности.

С момента создания Конституционного Суда Российской Федерации и учреждения конституционного судопроизводства в области конституционного права остается весьма актуальной и остро дискуссионной проблема современного российского конституционализма, выражающаяся в неоднозначности определения юридической природы решений Конституционного Суда Российской Федерации, уяснения их места и роли в судебной практике в качестве источников права [15, с. 75], признания за решениями Конституционного Суда Российской Федерации или их частью официального статуса источника права.

Представляется, что неоднозначность подходов отечественных конституционалистов к установлению правовой природы решений Конституционного Суда Российской Федерации объясняется их тесной взаимосвязью с самим понятием «источник права». Само собой разумеется, что при анализе такого сложного явления мнения ученых расходятся. Так, например, Р.А. Изаксон характеризует анализируемое понятие как совокупность юридических документов, которые закрепляют правовые явления [17], тогда как Т.А. Яковлева определяет его через внешние (объектированные) формы проявления права [28, с. 146].

¹ В соответствии с Федеральным конституционным законом 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» (статья 5), конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации прекращают действовать на всей территории Российской Федерации с 1 января 2023 года. Вместе с тем за субъектами Федерации сохранено право при необходимости создать конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Мнение о том, что итоговые решения, принимаемые Конституционным Судом Российской Федерации на своих заседаниях, являются источниками права, разделяется многими исследователями в области конституционного права. В частности, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отмечает следующее: «Решения Конституционного Суда, в результате которых нормативные акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа». Одновременно с этим, заслуженный юрист Российской Федерации полагает, что «решения по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов, по сути, обладают нормативной силой и как таковые приобретают прецедентное значение» [16, с. 342].

Данная концепция, по мнению П.С. Матросова, «представляется спорной ввиду того, что отечественная правовая система, как известно, относится к романо-германской правовой семье, для которой понятие судебного прецедента в отличие от англо-саксонской правовой семьи не характерно» [20, с. 109]. Однако В.Д. Зорькин, будто предвидя такое понимание его позиции, в своей монографии «Конституционный Суд России: доктрина и практика» поясняет: «Конституционный Суд, несмотря на то, что его образно называют “негативным законодателем”, в российской правовой системе, основанной на конституционных принципах разделения властей и верховенстве Конституции (как Основного закона) и федеральных законов, не создает новых норм наряду с законом или вместо закона, т.е. судебных прецедентов в том смысле как они понимаются в системе common law» [16, с. 343].

Вполне обоснованным нам представляется научный взгляд А.Н. Позднышова и Э.Э. Баринова, которые, в частности, не видят противоречия между концепцией разделения властей, с одной стороны, и правотворческим потенциалом органов, осуществляющих правосудие Конституционного Суда Российской Федерации, с другой. Подход сторонников нормативистской концепции права, по мнению ученых, не выдерживает критики, поскольку разделение властей вообще не предполагает возможности осуществления правотворческой деятельности только законодательными органами [22, с. 14]. Так ни для кого не является проблемной ситуация, при которой органы исполнительной власти, не выводимые за рамки возможности «творить право», пребывают среди субъектов данного вида юридической практики.

Рассуждая о пути разрешения многолетнего спора о юридическом статусе решений Конституционного Суда Российской Федерации, М.А. Александрова утверждает: «Постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании Конституции Российской Федерации <...> являются самостоятельными источниками российского права» [13, с. 61]. В обоснование своего утверждения ученый приводит перечень признаков, которые позволяют наделить постановления судебного органа конституционного контроля нормативностью и говорить об актах, принимаемых в процессе конституционного судопроизводства, как об источниках права в принципе.

В свою очередь Н.Е. Садохина считает [23, с. 39], что к источникам права относятся постановления Конституционного Суда Российской Федерации, закрепляющие правовые позиции по вопросам толкования и разъяснения норм Конституции, разрешения споров о компетенции как между органами государственной власти Российской Федерации, так и между органами государственной

власти федерального и регионального уровней. Широкий спектр функциональных полномочий Конституционного Суда лежит в сфере проверки конституционности законов, применяемых или подлежащих применению в конкретном деле, по жалобам граждан, с одновременным выявлением соответствия или же, напротив, несоответствия Конституции Российской Федерации актов законотворчества, принимаемых Федеральным Собранием и законодательными (представительными) органами субъектов Федерации. Надо полагать, ученый аргументированно вносит свою лепту в преодоление разногласий между конституционалистами по вопросу определения природы решений Конституционного Суда Российской Федерации, по мнению А.А. Петрова, обладающих особыми юридическими свойствами, к которым относятся: «обязательность, окончательность, непосредственность и непреодолимость» [21, с. 14].

Наряду со сторонниками подхода к определению всех видов решений (некоторых из решений) Конституционного Суда Российской Федерации в качестве источников права свое мнение выражают и те, кто отрицает данную точку зрения. Так Т.Я. Хабриева последовательно настаивает на том, что «разделение властей не позволяет Конституционному Суду подменять законодателя. И если Суд способен находить право, отмечать в рамках действующей Конституции несоответствие закона праву и т.п., то творить право, устанавливать конституционные нормы — он не уполномочен» [26, с. 75].

Подходя к характеристике актов конституционного судопроизводства с формальной стороны, С.А. Лобанова и Н.В. Рябушкина акцентируют внимание на невозможности отнесения решений Конституционного Суда к источникам права, ведь их нельзя, исходя из мнения ученых, «рассматривать как однопорядковые, так как для системы нормативных актов характерно строгое иерархичное построение, следовательно, включение в данную систему актов Конституционного Суда нарушит ее нужные единство и целостность» [19, с. 198].

На вопрос, являются ли решения Конституционного Суда Российской Федерации источником права, М.И. Байтин с высокой долей категоричности отвечает: «Со всей определенностью можно заявить “нет!”» Вступая в научную полемику, В.В. Лазарев убежден, что «профессор М.И. Байтин исходит из идеала, что должно или что может быть», приписывая последнему выраженную некогда мысль о том, что часть 1 статьи 79 ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ и вовсе «по своей сути противоречит принципу разделения властей, природе правового государства» [14]. «Но норма действует, и никакая теория не отменяет факта безоговорочной обязательности решений Конституционного Суда для любого другого органа», — подытожил профессор В.В. Лазарев [18, с. 115].

Противниками отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации к источникам права также отмечается, что признание их источником права первостепенно противоречило бы действующей Конституции Российской Федерации и одновременно вступало бы в конфликт с правотворческой деятельностью Федерального Собрания. В качестве одного из аргументов указывается отсутствие законодательного регулирования строго определенного порядка правотворчества Конституционного Суда и последующего механизма признания актов такого правотворчества в качестве источников права.

Оппонируя приведенной позиции, некоторые конституционалисты, в частности, М.А. Александрова, полагают, что «правотворческая деятельность Конституционного Суда Российской Федерации существенно отличается от аналогичной деятельности Федерального Собрания, и уже в силу этого она не мо-

жет ни подменять ее собой, ни тем более дублировать» [12]. Правотворчество федерального органа конституционного контроля, как пишет С.А. Сайбулаева, имея свою специфику, выражается в создании правовых норм, «где речь идет о “правотворчестве” Конституционного Суда России как органа государственной власти “без подмены законодателя”». Реализуя свои полномочия по конституционному судопроизводству, «Конституционный Суд дает толкование российской Конституции (позитивное правотворчество) и, осуществляя судебный конституционный контроль, лишает юридической силы либо приостанавливает своим решением действие неконституционных актов (негативное правотворчество)» [24, с. 72].

С одной стороны, несложно заметить, что в научной дискуссии есть последователи одной точки зрения, придерживающиеся позиции однозначного отнесения актов конституционного судопроизводства к источникам права, с другой — напротив, ряд ученых, руководствуясь положениями теории государства и права, а также закрепленной в статье 10 Конституции Российской Федерации [1] концептуальной нормой разделения властей на законодательную (наделенную полномочиями «творить право»), исполнительную (на которую возлагаются функции по реализации права) и, соответственно, судебную (призванную осуществлять правосудие) со своей степенью аргументированности отстаивает невозможность наделения решений Конституционного Суда Российской Федерации сколь-нибудь достаточными характеристиками источников права.

Одновременно с определившимися со своей научной позицией по рассматриваемому вопросу конституционалистами встречаются и те, кто высказывает двоякую точку зрения. К примеру, А.Л. Сниткова уверяет, что «...складывается двойственное отношение к указанным актам. С одной стороны, их юридическая сила достаточно велика, однако ни один нормативный правовой акт в России не определяет, что представляют собой решения органов конституционного правосудия и какое место в российской правовой системе они занимают» [25, с. 26].

Приведя диаметрально противоположные точки зрения различных ученых-конституционалистов по рассматриваемому в исследовании вопросу, считаем необходимым также обозначить непосредственно позицию самого Конституционного Суда Российской Федерации по имеющей место в науке конституционного права дискуссии о правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации, нашедшей отражение вместе с массой других актов и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» [6].

Для начала полагаем важным пояснить, что Конституционный Суд Российской Федерации, в отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов, — это особый орган, наделенный специальными полномочиями по разрешению споров о праве, иначе говоря, споров о том, соответствует или же, напротив, не соответствует Конституции Российской Федерации тот или иной законодательный акт, принимаемый на федеральном уровне (соответственно, конституционный (уставный) суд субъекта Федерации разрешает споры о соответствии или несоответствии законодательного акта, изданного на региональном уровне, конституции или уставу субъекта), тогда как суды общей юрисдикции и арбитражные суды — классический пример органов, осуществляющих правосудие посредством гражданского, уголовного, административного и архи-

тражного судопроизводства и тем самым разрешающих споры между субъектами относительно конкретных фактов.

Определившись со статусом Конституционного Суда Российской Федерации, теперь следует сказать о характерных только для судебного органа конституционного контроля специфических свойствах, перечисленных в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2]:

- 1) в статье 6 указано: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений», что недвусмысленно и вполне однозначно подтверждает в своих Постановлениях КС РФ от 27.02.2003 г. № 1-П [8], Определении КС РФ от 18.12.2007 г. № 963-О-О [9], Определении КС РФ от 07.02.2008 г. № 383-О-П [10] и Определении КС РФ от 19.05.2009 г. № 487-О-О [11] Конституционный Суд Российской Федерации;
- 2) в абз. 1 статьи 79 содержится норма, согласно которой решения Конституционного Суда Российской Федерации окончательны и не подлежат обжалованию, тогда как акты органов, осуществляющих иные виды судопроизводства, могут быть пересмотрены или вовсе отменены вышестоящей судебной инстанцией. Правда, здесь стоит упомянуть Определение КС РФ от 22.05.1996 г. № 62-О, в котором сказано: «В соответствии с частью третьей статьи 46 Конституции Российской Федерации, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, каждый вправе обратиться в установленном порядке в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, а значит и обжаловать в них решение Конституционного Суда Российской Федерации» [5];
- 3) согласно абз. 2 статьи 79 «решения Конституционного Суда Российской Федерации действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами». Данное нормоположение означает, что в случае признания Конституционным Судом акта законотворчества (или его определенной нормы) не соответствующим Конституции, он (или конкретная норма, признанная неконституционной) вместе с аналогичными ему нормами и нормами, принятыми на основе акта, утратившего силу, автоматически перестают действовать, что следует расценивать, как действенную возможность Конституционного Суда влиять не только на разрешение спора между сторонами в процессе конституционного судопроизводства, но и на группу однородных общественных отношений, затрагивающих неопределенный круг субъектов;
- 4) все та же статья 79 акцентирует внимание на том, что «юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта», что по смыслу означает невозможность принятия Федеральным Собранием нового законодательного акта, содержащего нормы, ранее признанные не соответствующими Конституции. Однако в своем Постановлении КС РФ от 02.02.1996 г. № 4-П Конституционный Суд отмечает право законодателя «в ходе дальнейшего совершенствования законодательства выбрать и иную, в т.ч. не известную действующему регулированию, систему процедурных правил» [4];

- 5) решения Конституционного Суда Российской Федерации от актов судов общей юрисдикции, а также арбитражных судов, отличает возможность неоднократного применения, что выражается в распространении их действия не только на стороны в процессе «обычного» судопроизводства, но и на иные общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации норм, либо признанных Конституционным Судом не соответствующими Конституции, либо истолкованных им же в процессе конституционного судопроизводства, в дальнейшем, о чем, в частности, свидетельствует соответствующее Определение КС РФ от 02.03.2000 г. № 37-О [7];
- 6) на основании части 5 статьи 125 Конституции Российской Федерации только Конституционный Суд наделен правом толкования положений Конституции, осуществляемого в рамках конституционного судопроизводства. Иначе говоря, всякий раз, когда необходимо будет применить определенную норму Конституции, это будет осуществляться в строгом истолковании Конституционного Суда, что подтверждается множеством решений Конституционного Суда, приводимых Д.Г. Шустровым в своем труде «Живое конституционное право России в решениях Конституционного Суда Российской Федерации» [27, с. 488–557].

Всем хорошо известно, что исполнение норм права осуществляется силой государственного принуждения, которую могут справедливо заметить сторонники концепции ненормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации. У итоговой правовой формы деятельности соответствующего судебного органа нет конституционного контроля ввиду отсутствия четко зафиксированной специальной ответственности за неисполнение и (или) ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации. Однако нам представляется важным акцентировать внимание на положении статьи 315 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], действие которой в полной мере можно распространить в том числе и на все виды решений Конституционного Суда Российской Федерации.

В качестве последнего аргумента в защиту позиции о нормативности решений Конституционного Суда и возможности их определения в качестве источников права, пусть и особых, не подпадающих под стандартные критерии, придаваемые традиционным источникам права, следует сказать, что приведенные выше специфические свойства, характерные для федерального судебного органа конституционного контроля, сформулированы и сформированы не отдельной группой ученых-конституционалистов, а прямо закреплены в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2].

Принимая во внимание законодательно предусмотренные и фактически используемые полномочия, реализуя которые Конституционный Суд Российской Федерации принимает соответствующие решения, в силу закона наделяемые особыми характеристиками, полагаем правильным сделать следующий вывод: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обладают свойствами нормативности и являются самостоятельным источником права».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных законами Российской

Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1996 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебrenникова» // Собрание законодательства Российской Федерации, 12.02.1996, № 7, ст. 701.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.1996 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.А. Аветяна как несоответствующей требованиям Федерального конституционного закона “О Конституционном суде Российской Федерации”» // Документ опубликован не был. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5024931> (дата обращения: 30.12.2021).

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 1998, № 5.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.03.2000 № 37-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 377 УПК РСФСР» // Документ опубликован не был. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=33890&dst=100003%2C2&date=04.02.2020> (дата обращения: 30.12.2021).

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2003 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Голышева и К.П. Данилова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 2003, № 3.

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.12.2007 № 963-О-О «По жалобе граждан А.Н. Белоногова, Г.Е. Гамзы и других на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 1 Закона Амурской области “О регулировании отдельных вопросов деятельности областного Совета народных депутатов”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 2008, № 2.

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.02.2008 № 383-О-П «По жалобе граждан А.В. Иванова и других на нарушение их конституционных прав отдельными положениями пункта 50 статьи 35 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу

некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // Российская газета, 2008, 3 октября.

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2009 № 487-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Р.А. Петросяна и Э.Р. Хисамиевой на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 131 Таможенного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 2009, № 6.

12. *Александрова М.А.* Правовой статус решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический мир. — 2015. — № 4. — С. 10–14.

13. *Александрова М.А.* Путь разрешения многолетнего спора о юридическом статусе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2014. — № 83-2. — С. 60–63.

14. *Байтин М.И.* О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. — 2006. — № 1. — С. 5–11.

15. *Бондарь Н.С.* Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. — 2005. — № 4 (124). — С. 75–85.

16. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.

17. *Изаксон Р.А.* Актуальные проблемы источников права // Вестник Востоčno-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2014. — № 3 (70). — С. 12–20.

18. *Лазарев В.В.* К вопросу о месте и роли решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Международного института экономики и права. — 2010. — № 1. — С. 114–119.

19. *Лобанова С.А., Рябушкина Н.В.* Постановление Конституционного Суда РФ как источник конституционного права // Новая наука: стратегии и векторы развития. — 2015. — № 5-2. — С. 197–200.

20. *Матросов П.С.* Подходы к трактовке итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации как источника права в науке конституционного права // Наука. Общество. Государство. — 2013. — № 1 (1). — С. 107–113.

21. *Петров А.А.* К дискуссии о месте решений Конституционного Суда Российской Федерации в национальной системе правовых актов (иерархический аспект) // Академический юридический журнал. — 2015. — № 3 (61). — С. 9–18.

22. *Позднышов А.Н., Баринов Э.Э.* Юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юрист-Правоведъ. — 2013. — № 6(61). — С. 14–18.

23. *Садохина Н.Е.* Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 4. — С. 37–40.

24. *Сайбулаева С.А.* Функции Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2018. — № 2. — Т. 1. — С. 66–74.

25. *Сниткова А.Л.* Определения Конституционного Суда Российской Федерации в деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: конфликт интересов // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 14. — С. 23–27.

26. *Хабриева Т.Я.* Толкование Конституции Российской Федерации (Теория и практика) [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. — М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской государственной библиотеки).

27. *Шустров Д.Г.* Живое конституционное право в решениях Конституционного Суда РФ. В 7 тт. Т. 1: Конституционное правосудие. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 704 с. (Классический учебник МГУ).

28. *Яковлева Т.А.* Акты Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 3-8. — С. 146–148.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

4(48) 2021

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антонов

Подписано в печать 20.02.2022. Формат 70×108 ¹/₁₆.

Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.

Печ. лист 5. Тираж 500 экз. Заказ № 18/1.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.

Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.